

В.Д. Шадриков

Мысль и познание

Москва • 2014 • Логос

УДК 159.955

ББК 88

Ш16

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 13-06-00132*

Рецензенты

М.М. Кашанов, доктор психологических наук, профессор

В.А. Мазилев, доктор психологических наук, профессор

Автор В.Д. Шадриков, профессор Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шадриков В.Д.

Ш16 Мысль и познание / В.Д. Шадриков. – М.: Логос,
2014. – 240 с.

ISBN 978-5-98704-664-7

Рассматриваются основные психологические понятия: мысль, образ, представление, сознание. Классический подход к трактовке этих понятий сочетается с привлечением новейших результатов исследования психики, в том числе и с позиций нейрофизиологии и нейропсихологии. Раскрыта структура мысли и соответственно образа, представления и воображения. Анализируется процесс выражения мысли в слове и понятии. Дается двухуровневая классификация познавательных процессов. Рассматриваются интеллектуальные операции. Исследуются процессы ментального развития человека.

Для ученых и специалистов в области психологии, философии, социологии и педагогики. Может использоваться в учебном процессе высших учебных заведений при подготовке кадров по направлению «Психология». Представляет интерес для представителей интеллектуальных читательских кругов.

УДК 159.955

ББК 88

ISBN 978-5-98704-664-7

© Шадриков В.Д., 2014

© Логос, 2014

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Мысль как предмет познания.....	11
<i>Предметная мысль</i>	14
<i>Нейрофизиологический механизм порождения мысли</i>	16
<i>Содержательная характеристика мыслей и образа</i>	23
<i>Выражение мысли в слове</i>	39
Глава 2. Мысль, образ и психическая функция.....	44
<i>Мысль и слово</i>	69
Глава 3. Мысль как основа психических процессов	75
<i>Отражение образа в слове</i>	79
<i>Образ, представление и воображение</i>	80
<i>Мысль и мышление</i>	90
Глава 4. Операции мышления.....	95
Глава 5. Мысль, мышление и сознание.....	110
Глава 6. Развитие ментальности человека.....	153
Глава 7. Мысль и сомнения	173
Вместо заключения: основные положения, развиваемые в настоящей работе	207
Литература	234

Перестав быть спорной,
мысль перестает быть интересной.

Уильям Хэзлитт

Введение

Мы постоянно используем в своей обиходной речи слова: «мысль», «мышление», «сознание». На донаучном уровне их понимание, казалось бы, не вызывает трудностей. Но попробуем дать им научное определение, и перед нами встанут сложные проблемы.

Не случайно на протяжении двух тысячелетий к этим понятиям, пытаясь раскрыть их сущность, обращались лучшие умы человечества. Данная проблематика была центральной в так называемой «думающей психологии». Но постепенно она утратила ведущие позиции, и даже мышление стало рассматриваться в отрыве от мысли. Определенный «вклад» в создавшееся положение внесла когнитивная психология, базирующаяся на «компьютерной метафоре». Мысль стала отождествляться с информацией.

В настоящей работе сделана попытка ответить на вопросы: Что такое человеческая мысль? Какова ее структура, механизмы

порождения и функционирования? Как мысль связана с образом, представлением и воображением?

Чтобы приблизиться к искомым ответам, нами рассмотрены функции восприятия, представления и воображения в их качественной специфике. Проведен анализ взаимосвязи мысли и психических функций, раскрыты нейрофизиологические механизмы порождения мысли. Показана специфика мышления по отношению к другим познавательным процессам. Раскрыто психологическое содержание таких понятий, как суждение и умозаключение. Дано системное изложение вопросов, связанных с интеллектуальными операциями.

Значительное внимание уделено проблеме сознания: его содержательному определению, отношениям сознания и психики в целом, функционированию сознания в структуре внутреннего мира человека, генезиса сознания.

С позиций предлагаемой структуры мысли, образа, представления и воображения нами рассматриваются процессы межличностной коммуникации, выражения мысли в слове,

понимания языка. Показывается, что осознание деятельности и ее ценности формирует у субъекта представление о ценности субъективной жизни.

С авторских позиций раскрывается место рефлексии в процессе мышления. Дифференцируются понятия рефлексии и рефлексивности, предлагается модель рефлексивности индивида, субъекта деятельности и личности.

В заключительной части рассмотрены два механизма организации поведения на основе ума и морали. Показано взаимоотношение ума, морального требования и духовности человека.

Представленные в работе материалы помогут читателю взглянуть на самого себя, заставят задуматься над тем, как мы мыслим и от чего зависит наша интеллектуальная продуктивность.

Считаю целесообразным пояснить структуру книги. Она состоит из отдельных глав, которые близки по способу изложения к статьям или очеркам, связанным единой темой и задачей, стоящей перед автором. Такой подход обладает одним недостатком: некоторые мысли автора повторяются, иной раз неодно-

кратно. Но у этого подхода есть и существенные преимущества. Герменевтика предполагает: для того чтобы понять текст, необходимо понять содержание текста и автора, написавшего этот текст. Последовательное изложение глав-статей позволяет проследить, как развивалась мысль автора, а в реальности мысль никогда не развивается линейно. Но в логически упорядоченных монографиях невозможно проследить ход мыслей автора. Требование логики последовательного изложения мыслей скрывает процесс их порождения.

Выбранный способ изложения имеет и несомненные дидактические преимущества: повторение наиболее существенных мыслей в различном контексте способствует их понимание и усвоению.

Необычно и заключение работы. В нем изложены основные положения, развиваемые и обосновываемые в исследовании. Читатель может начать знакомиться с книгой с заключения. А если оно его заинтересует, обратиться непосредственно к тексту, в котором эти выводы обосновываются.

Выскажем и несколько суждений в отношении названия работы. Как мы уже отмечали, когнитивная психология строится на

«компьютерной метафоре», однако в психологии исследователь никогда не сможет уйти от личностного аспекта, от традиционных понятий «образ», «представление», «воображение», «мышление». Но понять эти психологические реалии невозможно без обращения к мысли, которые они несут в себе. И какие бы мы модели не исследовали, все они окажутся малопродуктивными, если при их интерпретации не обратиться к исходным психологическим понятиям, которые рассматриваются в настоящей работе. Поэтому мы и сочли необходимым названием работы подчеркнуть взаимосвязь познавательных процессов с мыслью и через мысль обозначить взаимопереходы от образа к представлению и далее к воображению и понятию. Современность разрабатываемой проблематики опосредованно связана с когнитивным направлением в психологии, многие идеи которой здесь учитываются, а общий подход отвергается.

В подтверждение сказанному приведу оценку динамики интересов в психологии, данную Р.Л. Аткинсон и ее соавторами в известной работе «Введение в психологию»: «В целом можно сказать, что в течение про-

шедшего столетия точка, находящаяся в центре внимания психологии, совершила полный круг. Отвергнув опыт сознания в качестве предмета психологии как малопригодный для научного анализа и обратившись к изучению внешних наблюдаемых форм поведения, психология снова вернулась к построению теорий, касающихся скрытных аспектов разума, на этот раз обладая более совершенными инструментами научного исследования» [6, с. 32]. Можно с уверенностью сказать, что эта же судьба относится и к мысли. Забытая вместе с психологией сознания мысль вновь должна стать одним из важнейших предметов изучения в психологии с учетом новых методов, с привлечением данных нейрофизиологии и нейропсихологии.

Глава 1

Мысль как предмет познания

Представлены результаты исследования фундаментальной проблемы психологии – природы человеческой мысли, механизма ее порождения и структуры. Рассматриваются нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие порождение мысли. Обосновывается понимание мысли как потребностно-эмоционально-содержательной субстанции. Раскрываются отношения мысли и образа, а также мысли и слова, в котором эта мысль выражается. Дается анализ процесса интеллектуализации мысли и образа. Обосновывается необходимость введения понятия «мысль» в категориальный аппарат психологии.

Постановка проблемы, вынесенной в заголовок этой главы, вызвана несколькими обстоятельствами. Во-первых, существует профессиональная потребность сформулировать для самого себя и для своих коллег одно из наиболее значимых понятий психологии, раскрывающее, что такое мысль. Во-вторых, считаю необходимым высказать свое отношение к так называемой «компьютерной мета-

форе», а вместе с этим и дать ответ представителям «новой» психологии, которые без ложной скромности утверждают, что «несмотря на огромный вклад в развитие психологии ее основоположников, труды их представляют в большей степени исторический интерес. Воздадим им должное» [36, с. 8]. (Заметим, что с почетными похоронами классической психологии вряд ли можно согласиться. Скорее можно сожалеть о том, что представители модных направлений психологической науки ушли от традиционного предмета психологии.) В-третьих, попробовать рассмотреть традиционные понятия, связанные с процессом познания, с позиции новых данных, накопленных в психологии и нейропсихологии.

Еще Аристотель писал, что мысль занимает центральное место в представлении о сущности человека. Все добродетели души, утверждал Аристотель, «относятся или к нраву, или к мысли». На протяжении последующих двух тысячелетий лучшие умы человечества постоянно обращались к вопросу о сущности мысли. Достаточно полный анализ по этому

вопросу содержится в работе В.П. Зинченко «Опыт думания о думании» [15, с. 207]. Но постепенно эта проблематика ушла из психологии. И даже мышление стало рассматриваться в отрыве от мысли.

В своей работе мы будем опираться на следующие основные принципы психологического исследования:

1. *Принцип психофизического единства* в понимании С.Л. Рубинштейна, который выделял две его стороны: во-первых, связь психики и ее субстрата, которая раскрывается как отношение строения и функции; во-вторых, связь сознания как отражения, как знания с объектом, который в нем отражается. При этом важно учитывать положение, сформулированное Л.М. Веккером, касающееся специфики исследования психических процессов, согласно которому процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психологическом акте отнесены к разным предметам: первая – к органу, вторая – к объекту.

2. *Принцип единства деятельности и сознания*, согласно которому мысль всегда будет носить функциональный характер, отражать мотивацию субъекта деятельности.

3. *Принцип единства знания и переживания*, на который опирается наше исследование. Он позволяет раскрыть связь мыслей и переживаний.

В настоящей главе мы затронем и попробуем ответить на следующие вопросы:

- Что такое предметная мысль?
- Каков нейрофизиологический механизм порождения мысли?
- Какова содержательная характеристика мыслей и образа? Что такое субъективация мысли и образа?
- Какова структура мысли и образа? Субстанциональная характеристика. Выражение мысли в слове.

Предметная мысль

Опираясь на приведенные принципы исследования, попробуем ответить на вопрос: что такое мысль? Для этого предварительно дадим краткий анализ функции психики в целом, а также места, которое в ней отводится мысли.

Общепризнано, что психика возникла для обеспечения выживания живых организмов и ее развитие связано с усложнением среды обитания. Но что значит обеспечить выживание? Это значит избежать угрозы для жизни и отыскать то, что необходимо для питания организма и продолжения рода или вида. Что для этого надо? Надо, чтобы психика давала сведения об окружающем мире, связанные с выживанием, и организовывала поведение на основе информации о текущем состоянии окружающей среды и опыта, имеющегося у человека. Таким образом, психика всегда носит *функциональный* характер. Функция психики заключается в обеспечении человека сведениями об окружающей среде и построении адаптивного поведения.

В дальнейших рассуждениях ограничимся познавательной функцией. Что значит познать? Это, во-первых, обеспечить выделение отдельных предметов из окружающей среды; во-вторых, выделить отдельные признаки предметов; в-третьих, установить значение этих признаков для процесса выживания и развития. В категориальном аппарате психологии выделение предметов и их призна-

ков осуществляется в процессах ощущения и восприятия. Результатом выступают *образы вещей* и их признаки. Таким образом, первая функциональная задача психики – формирование образов предметов внешнего мира и их признаков. Важно подчеркнуть единство образа и его признаков. Это ключевой момент. Образ без признаков превращается в фантом. *Единство образа и его признака выражается в мысли.* Мысль несет в себе *связь* образа и его признака.

Нейрофизиологический механизм порождения мысли

Реализуя принцип психофизического единства, рассмотрим процесс рождения мысли с позиций нейропсихологических знаний.

Об этом задумывался еще И.М. Сеченов, рассматривая физиологический механизм порождения мысли на уровне физиологических представлений своего времени. Он, в частности, писал, что «раздельности объектов соответствует раздельность физиологических реакций восприятия и их следов в нерв-

ной организации; сопоставлению их друг с другом – преемственность распространения нервных процессов при актах восприятия, а связующим звеньям (направление сопоставления) – частичное сходство между последовательными реакциями восприятия и их следами в памяти» [48]. Воспринимая один и тот же предмет многократно в условиях изменчивости объективных и субъективных условий восприятия, человек выделяет в предмете отдельные его признаки и одновременно воспринимает весь предмет. Это одновременное восприятие предмета и его признака и составляет настоящую *предметную* мысль.

Современные нейропсихологические исследования позволяют перейти к рассмотрению психологических функций со стороны реализующих их мозговых процессов. Как пишет Карл Прибрам, «в 60-е годы XX века поведенческая психология оценила основную идею гештальтпсихологии о том, что субъективно переживаемое сознание является столь важной частью биологического и сознательного мира и что его нельзя игнорировать при изучении поведения. Таким образом, “респектабельные” психологи начали изучение таких

проблем, как познание, мышление и внимание. А к концу 60-х годов столь же открыто и без особых рисков обсуждается на встречах психологов проблема формирования образов» [48, с. 120]. Одной из центральных проблем этих исследований стало изучение нейрорепсихологических механизмов порождения образов и проблема выделения признаков, из которых состоит образ.

«Исследования, проведенные с помощью микроэлектродов, – пишет Прибрам, – показали существование нейронов, которые отвечают только на то или иное воздействие стимула, например направление движения, наклон линии и т.д.» [48, с. 129]. Исследования самого Прибрама позволили установить, что «узнавание структур есть результат операции выделения признаков, имеющей место на самом входе и возникающей с помощью отдельных нейронов или их небольших групп, и что восприятие зрительных структур осуществляется посредством иерархической системы таких «детекторов признаков» [48, с. 146]. При этом одной из характерных особенностей выделенных признаков является то, что это происходит при

участии нейронов памяти и сама система восприятия находится под контролем своей собственной истории и является самоадаптирующейся системой.

На основе собственных исследований и других научных данных Прибрам делает вывод, что «неправильно рассматривать перцептивные процессы как безобразный анализ признаков» [48, с. 153]. Признаки всегда связаны с образом; *связь признака с образом и составляет предметную мысль*. Создающаяся система отношений между образом и его признаками *составляет сущность познавательного процесса*. А так как отношение между признаком и образом реализуется через мысль, то и *сущность познавательного процесса определяется отношением мыслей*.

Значительный фактический материал, проливающий свет на нейропсихологическую основу порождения и функционирования мысли, мы находим в исследованиях, выполненных под руководством Н.П. Бехтеревой [10].

В этих исследованиях была показана неразделимая связь эмоциональной и мыслительной деятельности, что служит экспериментальным подтверждением нашему

положению о единстве в мысли интеллектуальной, мотивационной и эмоциональной составляющих.

Детальное изучение мозга человека с помощью стереотаксического метода позволило выявить в его структуре структурно-функциональные единицы, обеспечивающие базисный анализ простых сигналов внешнего и внутреннего мира и реализацию ответов на них.

Ряд видов психической деятельности запрограммирован генетически. В этом случае целесообразно говорить о развертывающейся психической деятельности, а не о развивающейся в течение жизни.

В исследованиях было показано, что анализ сложных сигналов осуществляется на уровне групп ансамблей нервных клеток, «работающих в том нужном согласии друг с другом, которое создает новое качество» [10, с. 111].

Изучение нейрофизиологических основ психической деятельности, связанной с восприятием смысловых свойств и простейших мыслительных операций, позволило установить, что отражение смысловых свойств связано с перестройкой импульсной активности

нейронных популяций и существуют нейрофизиологические признаки смысловой общности. Были обнаружены и нейрофизиологические корреляты простейших мыслительных операций.

Полученные в исследовании данные, отмечает Н.П. Бехтерева, свидетельствуют о том, что психическая деятельность обеспечивается ансамблями как корковых, так и глубоких структур мозга. «Рабочая гипотеза, – пишет она, – может быть сформулирована так: в ряде зон мозга, не являющихся классическими слуховыми образованиями, при восприятии, удержании в памяти и воспроизведении слов формируются паттерны, в которых отражаются акустические и смысловые характеристики слова, по-видимому его моторные характеристики, а сам паттерн и его динамика подчинены базису долговременной памяти, сформировавшемуся в результате индивидуального опыта» [10, с. 136–137].

Изучение сложных видов психической деятельности типа обобщения, умозаключения, принятия решений также выявило нейрофизиологические корреляты этих процессов.

Рассматривая роль отдельных психических функций в обеспечении психической деятельности, Н.П. Бехтерева отмечает, что «было бы неправильным ставить память наравне с другими функциями мозга. Память является базисным механизмом, свойством мозга, и факт ее организации также, по-видимому, по системному принципу не должен как бы низводить ее на уровень других систем. Память – тот основополагающий механизм, который лежит в основе проявления всех онтогенетически формирующихся видов деятельности и соответственно всех обеспечивающих их мозговых систем» [10, с. 171–172]. И далее: «Генетически у человека имеются высокосовершенные предпосылки к психонервной памяти, реализующиеся в процессе обучения индивидуального и особенно социально обогащенного развития. Так, не только обучение смысловому значению слов, но и использование их как *важнейших единиц мыслительной деятельности* (курсив мой. – Прим. авт.) осуществляется в ходе индивидуального развития человека в условиях общения с особями данного биологического вида» [10, с. 154].

*Содержательная характеристика
мыслей и образа*

Определив мысль через отношение вещи и ее признаков, мы выявили только одну сторону мысли. Важно отметить, что восприятие, как уже говорилось, имеет функциональный характер и признаки воспринимаемой вещи всегда носят функциональный характер, т.е. они непосредственно относятся к деятельности или поступку, которые совершает субъект восприятия. Следовательно, признак вещи наделяется определенным значением, обусловленным сущностью выполняемой деятельности.

Таким образом, мы можем констатировать, что мысль не только отражает отношение вещи к ее признакам, но и наделена определенным *содержанием, выраженным через значение* воспринимаемого признака для деятельности субъекта. Иными словами, отношение между признаком и образом обеспечивается мыслью, которая несет в себе определенное функциональное содержание. В данном случае мы имеем дело с реализацией психофизического

принципа в трактовке С.Л. Рубинштейна. Мысль, с одной стороны, отражает отношение нейропсихологического субстрата и психологической функции, с другой – ее связь с объектом, который воспринимается. При этом содержание образа носит функциональный характер, в чем реализуется принцип единства сознания и деятельности.

Высказанные выше суждения позволяют перейти к содержательной характеристике образа и мыслей.

Как мы отмечали, мысль отражает объективное содержание. В каждой мысли схватывается только одна сторона предмета. И с образом первоначально связаны мысли, относящиеся к внешней стороне предмета. В дальнейшем происходит *раскрытие содержания* этих мыслей – внешних признаков. Субъект стремится установить их *значение и личностный смысл*. Раскрытие значения и смысла мыслей и образа и составляет сущность их *интеллектуализации*. Происходит это в процессе жизнедеятельности. Образ и его мысли-признаки включаются в процесс жизнедеятельности, в котором устанавливается их семантика. Таким образом, мысль-признак

нагружается конкретным значением – содержанием, мысль обогащается. Одна и та же мысль-признак, включенная в различные ситуации, в различные формы жизнедеятельности будет наделяться все новым и новым содержанием.

Далее необходимо отметить, что мысль не только отражает качества вещи, которые преобразуются в субъективный образ. *Мысль рождает мыслящий человек*, и поэтому мысль всегда носит субъективный характер. Этот процесс субъективации мысли идет по трем направлениям:

- в мысли опредмечивается потребность мыслящего субъекта;
- мысль «оборачивается» в нравственные устои субъекта;
- происходит социокультурная субъективация мыслей.

В той мере, в какой человек воспитан в определенной культуре, он будет в ее контексте воспринимать и внешний мир. Например, для нас мак – это цветок и растение, обладающее апотропейными свойствами, а для русского крестьянина – это и действенный оберег от нечистой силы. Для современного человека

куница – это животное, обладающее ценным мехом, а в народных представлениях – животное, наделенное женской брачной, эротической и ткаческой символикой. Кукла воспринимается как атрибут детских игр, а в народных верованиях – вещь для обрядово-магических действий. Слово «круг» в современном понимании – это, в основном, математическая фигура, а в бытовом понимании – наиболее значимый мифологический символ, отражающий представление о циклическом времени, деление на «свое» и «чужое», движение по кругу, имеющее особый магический смысл. Подробно с различным этнолингвистическим смыслом различных понятий славянской культуры можно ознакомиться в прекрасном пятитомнике «Славянские древности» [54].

Люди, воспитанные в различных культурах, будут наделять одни и те же предметы различным (не совпадающим) значением, и мысли, возникающие при этом, будут различными. По этому поводу О. Шпенглер писал: «Мы едва ли в силах даже представить себе, сколько великих мыслей чужих культур нашли в нас свою погибель, поскольку мы, исходя из *нашего* мышления и его гра-

ниц, не смогли их ассимилировать, или, что то же, ощущали их ложными, ненужными, бессмысленными» [76, с. 218]. Таким образом, наполнение образа мыслями будет зависеть от социально-культурных факторов.

Другим фактором, который мы уже затрагивали выше, является зависимость мысли от нравственных устоев человека. Мы уже приводили суждение Аристотеля о том, что все добродетели души относятся или к нраву, или к мысли. Но необходимо пойти дальше – сама мысль зависит от нравственности человека. Здесь мы имеем дело не с дизъюнкцией, а с конъюнкцией (по А.В. Брушлинскому). Как тонко отмечает А. Бергсон, в предыстории человечества ум и мораль существовали в единстве, как единое целое [8]. Ум и мораль, содержащиеся в друг друге. И если углубиться в историю, то мы обнаружим мораль, более близкую к уму, и ум, более близкий к морали, чем у современного человека. Ум оформлял моральное требование. Мораль руководила сообществом людей и поведением человека внутри сообщества. Но и сегодня действие ума опутано и контролируется моралью, а в морали проступают действия рассудка.

Мораль направляет восприятие и определяет не только образ восприятия вещи, явлений, событий, но и содержание этих образов и мыслей, связанных с ними. Оформление мыслей и образов под влиянием требований морали мы также отнесем к интеллектуализации образов.

Отметим, что обычно под образом понимают образ вещи, но мы не оговорились, когда отнесли образ к явлениям и событиям. Если понимать под образом связанную с ним систему мыслей, то тогда и явления и события будут иметь свой образ.

Как показал Н.А. Бернштейн, «ни одно движение (может быть за редчайшим исключением) не обслуживается по всем его координационным деталям одним только ведущим уровнем построения... В начале формирования нового индивидуального двигательного навыка действительно почти все коррекции суррогатно ведутся уровнем-инициатором, но вскоре положение изменяется, каждая из технических сторон и деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди нижележащих уровней такой, афферентации которого наиболее адекватны

этой детали по качествам обеспечиваемых ими сенсорных коррекций. Таким образом, постепенно в результате последовательных переключений и скачков образуется многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции» [9, с. 54]. Именно так осмысливаются ведущий уровень коррекций и отдельные параметры действия, которые и *отражаются в определенных мыслях*. В целом же движение и действие воспринимаются как образ – движение и действие воспринимаются как образ движения-действия, наполненный отдельными мыслями о параметрах движения. Отражение действия в образе и мыслях движения становится предметом психологического изучения.

В заключение рассмотрим процесс интеллектуализации мыслей и образов, обусловленный потребностями мыслящего субъекта. Как показали исследования, выполненные в школе К.В. Судакова, актуальная потребность, связанная с жизненно важной константой, формирует мотивационное состояние,

определяющее активное отношение к раздражителям внешнего мира, приводит в действие прошлый опыт и тем самым способствует целенаправленной организации поведения [59]. На основе доминирующей мотивации возникает химическая избирательность корковых механизмов и осуществляется отбор раздражителей внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность. Важно отметить, что связанное с актуальной потребностью мотивационное состояние, и, как следствие, опредмеченная потребность в виде свойств предметов внешнего мира сопровождаются эмоциями. Таким образом, мысль, отражающая связь потребности со свойствами предметов внешнего мира, способных удовлетворить актуальную потребность, сопровождается *переживанием*.

Внимательный читатель обратил внимание, что, рассматривая проблему связи мысли и мотивации, я употребил термины «эмоции» и «переживания». Дело в том, что на уровне нейропсихологических механизмов организации поведения мы говорим о нервном субстрате, регулирующем целенаправленное поведение, и пользуемся языком биологиче-

ских терминов. На психологическом же уровне анализа проблемы мы говорим о желании и хотении, о мысли и образе, о переживании. Нервный субстрат эмоций выступает в этом случае как система биологических детекторов, переводящая сигнал о потребностях в ощущение (чувство) удовольствия-неудовольствия, под воздействием которого возникающая биологическая потребность *переживается* как психологический факт. Переживание может осознаваться и не осознаваться. Существует порог осознания переживания. Таким образом, с учетом функционального характера психики, мысль как отражение определенного свойства предмета, способного удовлетворить актуальную потребность, сопровождается переживанием.

Изложенное выше позволяет высказать суждение о *структуре мысли, включающей три компонента: содержание, потребность и переживание*. Именно в единстве трех выделенных компонентов мысль предстает как *живое* знание. В своей связи с потребностями и переживаниями мысль и отличается от информации, которая характеризуется только содержанием.

Нам представляется, что именно в этой структуре мысли, а следовательно, и образа, заключаются ее уникальные свойства, проявляющиеся в том, что человек мыслит мыслями. Мысль представляет собой *потребностно-эмоционально-содержательную* субстанцию. И таковой она входит в содержание внутреннего мира человека. В таком виде она сохраняется в памяти человека: связанной с предметами внешнего мира и их свойствами, потребностями человека и его переживаниями. Графически этот процесс отражен на рис. 1.

Рис. 1. Формирование мысли и образа

До настоящего времени мы в основном говорили о предметной мысли. Перейдем теперь к анализу образов. Остановимся на проблеме осмысления образов, наполнения их мыслями.

Содержанием образов, возникающих в результате восприятия предметов внешнего мира, являются мысли-свойства этих предметов. *На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей* о свойствах этого предмета, объединенных в единое целое (предметность и целостность), характеризующаяся определенным постоянством, обобщенностью (связью с целостным предметом), осмысленностью и т.д. Как рассматривать осмысленность образа вне мыслей, его составляющих, вообще становится проблемой. И если мысль мы определили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то и образ будет выступать как субстанция мыслей – *образ-субстанция*. А что это означает? К понятию «субстанция», пишет С.Л. Рубинштейн, мы с необходимостью обращаемся, когда делаем попытку отразить *сущность* вещи [52, с. 24]. В данном случае к понятию «субстанция»

мы обращаемся, определяя сущность образа. В соответствии со свойствами субстанции образ-субстанция будет пониматься как устойчивая совокупность мыслей, как пребывающая во времени сущность и ее *проявления*, как сущее, причина которого в нем самом, т.е. образ, будучи сформирован как субстанция мыслей, будет существовать во времени и проявлять свою сущность в отношениях субъекта с внешним миром и с самим собой.

Сформировавшись, образ-субстанция будет определять отношения во внутреннем мире человека, обуславливая его мышление. Из обозначенного подхода мы можем сделать вывод, что образ-субстанция может относиться не только к предметам, но и к событиям и явлениям. Из всей совокупности образов-субстанций будет складываться содержание внутреннего мира человека как образ внешнего мира и самого себя, насыщенный различными событиями. Именно такой образ и составляет содержание ума.

Включенность в образ потребностей и переживаний становится той основой, которая позволяет включиться образу в протекание всех психических процессов, всей внутренней

жизни человека. Потребности и переживания являются той детерминантой, которая вовлекает необходимые мысли в решение задач, стоящих перед субъектом, так как их решение связано с определенной мотивацией. Они же помогают осознать мысли, вовлекаемые в процесс решения. Из сказанного становится понятной идея, выдвинутая Л.С. Выготским, согласно которой мысль, существующая во внутренней речи, приобретает новую функцию внутреннего организатора нашего поведения [17, с. 199]. Мысль рассматривается не только как информация, но и как мысль, тесно связанная с потребностями и переживаниями. Включенный в деятельность образ-субстанция развивается в деятельности, проходит процесс интеллектуализации и организует деятельность.

Образ имеет двойную природу: содержательную и процессуальную. Соотношение этих частей носит функциональный характер и зависит от решаемых субъектом задач и от способа мышления. То же самое мы можем сказать и о представлении, и о понятии. Возникновение этих двух составляющих зависит от способа формирования понятия и от

его интеллектуализации. Способ мышления будет определяться природой мыслительного процесса. Такой подход соответствует современным представлениям о языках мозга. Как показал К. Прибрам, с одной стороны, существуют нейрофизиологические механизмы детекции отдельных признаков и их анализа (о чем мы писали выше), а также конкретных нейронных групп, которые могут комбинироваться в *логические операции*, определяющие аналитические и контрольные функции нервной системы. С другой стороны, существуют голографические механизмы, обеспечивающие «способность к распределению и сохранению большого количества информации» [48, с. 161–162]. «Любая малая часть голограммы содержит информацию о всем объекте-оригинале» [48, с. 170], что делает возможным работу с целостным образом предмета, события. Образы восстанавливаются, когда активируется только часть системы, связанной с этим образом. Запускающим моментом этого процесса выступают мотивация или переживания, связанные с образом. По этому поводу К. Прибрам пишет, что запускающим фактором могут служить не только зритель-

ные стимулы, но и условия подкрепления и «намерения» осуществить тот или иной тип ответа [48, с. 174].

Важным для нас является приведенный К. Прибрамом пример, связанный со свойствами памяти. Во-первых, это относится к способности практически мгновенно узнавать знакомого человека в толпе других людей, а во-вторых, к способности «после узнавания данного лица быстро воспроизвести значительное количество информации, которой мы о нем располагаем» [48, с. 178]. Очевидно, это будет способность наполнять образ мыслями.

Важно также отметить факт, зафиксированный Х. Дельгадо. Анализируя совокупность данных, связанных с электрическим раздражением мозга, он делает очень важный вывод о том, что «нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и др.), а также эволюционное звучание событий» [22]. Раздражение отдельных структур мозга приводит к актуализации прошлого опыта, при этом, что особенно важно подчеркнуть, воспроизводимый эпизод жизни представляется не как воспоминание,

а как реальное ощущение. Так, например, при электрическом раздражении височной доли мозга, пишет Дельгадо, участники эксперимента слышали звуки музыки. Иногда это был определенный мотив, который человек узнавал, а в некоторых случаях ему казалось, что в комнате включили радио или проигрыватель. Звук воспринимался настолько реально и ясно, что можно было различать отдельные инструменты оркестра или слова песни. Эти галлюцинации не были застывшими, они разворачивались во времени как реальный процесс. Вспоминались не только предметные события, но и эмоции, испытанные при том или ином восприятии: раздражение одних структур вызывало дружелюбие, других – порождало агрессию и тормозило отдельные поведенческие реакции.

«Любая поступающая извне сенсорная информация обычно несколько искажается в процессе индивидуальной интерпретации, которая в значительной степени определяется прошлым опытом и факторами культуры» [22, с. 156]. В известных пределах эти индивидуальные искажения рассматриваются как «норма».

Выражение мысли в слове

Потребность выражения мысли в слове возникает при необходимости передачи ее другому. Слово в этом случае выполняет функцию сигнала. Сигнал (от лат. *signum* – знак) – физический процесс (или явление), несущий сообщение (информацию) о каком-либо событии, состоянии объекта наблюдения либо передающий команды управления, указания, оповещения [56, с. 1205]. Слово несет определенное содержание. В процессе словообразования связь его с содержанием определяется тем, кто слово порождает. В различных языках связь слова и содержания может существенно различаться. Но нас в данном случае интересует только один аспект: как отражается содержание мысли в слове. Образ как субстанция мыслей может нести, наряду с основными мыслями-признаками, еще и мысли, связанные с несущественными признаками или признаками-мыслями, привносимыми в образ субъектом в соответствии с его мотивацией и переживаниями. Индивидуальный образ всегда субъективен. Основные мысли в этом образе сопровождаются дополнительными,

которые выступают в роли «обертонов» для основных, сущностных мыслей-признаков. За счет этих мыслей-обертонов индивидуальный образ гармоничен, отражает индивидуальное восприятие мира субъектом. При выражении индивидуального образа в слове теряются многие обертоны. Формирующееся значение слова, отражающее индивидуальный образ, огрубляет этот образ, но при этом он сохраняется как субстанция мыслей. Огрубление мысли, выраженной в слове, тонко подметил Ф. Тютчев, когда писал: «мысль изреченная – есть ложь». Слово, отражающее образ, всегда беднее образа, породившего это слово. Оно передает только основные (сущностные) мысли, но слушающий дополняет мысли, содержащиеся в слове, своими обертонами. В этом процессе «опредмечивания и распредмечивания»: превращения образа-субстанции в слово, носитель сообщения (информации), а затем понимания слова как перевод его опять в субъектный образ-субстанцию и заключена сущность процесса общения.

Интересно отметить, что Казимир Малевич, придумывая феврализмы, записывал обычные фразы и обводил их рамкой. При этом

он исходил из того, что, увидев написанное слово, человек нарисует в воображении свою иллюстрацию к этому слову. Слово выступает предельной абстракцией, которую воспринимаящий интерпретирует субъективно-индивидуально. В понимании Малевича слово – это тоже картина, это тоже образ – наполненный индивидуальными мыслями и чувствами.

* * *

Среди самых сложных задач, с которыми сталкивается любая наука, выделяются задачи формирования ее категориального аппарата. Проведенный анализ позволяет уточнить категориальный аппарат психологии с позиции возвращения фундаментального понятия «мысль» в число базовых категорий. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, никто не сомневается, что мысль является предметом изучения психологии, а с другой – что это понятие остается неразработанным, мало того, в связи с развитием кибернетики и компьютерной революцией психологи стали исполь-

зовать понятия этих отраслей знаний, в психологии глубоко укоренилась «компьютерная метафора». Психологи стали отходить от традиционных понятий, в том числе и от понятия «мысль» как основной психологической категории. Часто можно встретить исследование мышления без мысли.

Полученные в исследовании результаты позволяют дать ответ на вопросы: Что такое мысль? Каковы ее структура и нейрофизиологические механизмы?

Сущность мысли раскрывается через понятие субстанции, включающей в себя предметное содержание, мотивацию и переживание.

В контексте понимания мысли как субстанции рассматриваются понятия мысли и образа. Предлагается рассматривать образ как совокупность мыслей о свойствах предмета, объединенных в единое целое (предметность и целостность), характеризующееся постоянством и осмысленностью. С этих позиций, как уже отмечалось, образ будет выступать как субстанция мыслей, пребывающая во времени сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом.

Отражение мыслей в слове рассматривается с позиции «опредмечивания и распредмечивания». Индивидуальный образ, в котором опредмечен предмет восприятия, содержит не только сущностные мысли-признаки, но и насыщен индивидуальными мыслями-обертонами. Значение индивидуального образа, выражаемого в слове, обедняется, но воспринимающий слово обогащает его своими сведениями и смыслами.

Мы рассмотрели процесс интеллектуализации мыслей и образов.

Полученные в исследовании результаты в перспективе позволяют с новых позиций подойти к проблемам восприятия, представления, воображения, мышления, наполняя их мыслями и взаимопереходами этих мыслей. Открываются перспективы новых подходов к диагностике способностей и интеллекта.

Глава 2

Мысль, образ и психическая функция

Рассматриваются сущность психических функций и нейрофизиологический механизм их реализации. Показывается роль активности субъекта в процессах восприятия. С позиций психических функций подтверждается сформулированное в главе 1 положение о сущности мысли и ее структуре. Обосновывается связь процессов порождения мыслей со способностями человека. Дается ответ на вопрос о связи мысли и языка.

Образ для психологии – традиционный предмет изучения. Образ включает в себя форму и содержание. Главное внимание в психологии уделяется образу-форме. В русском языке образ больше связан с содержанием, с прообразом, который отражается в образе. Именно с содержанием связаны глаголы образовать, преобразить, а также понятие «образования» как процесса образования ума, знания и нравов. Образ как внешний вид предмета и образ как содержание, образ мыслей и по образу и подобию Божию.

Всеохватывающие Брокгауз и Эфрон обходят образ молчанием. С.И. Ожегов определяет образ как вид, облик, живое, наглядное представление о ком-нибудь или о чем-нибудь. В литературе, искусстве образ – обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного, индивидуального явления.

Наиболее полно характеристика образа дается в «Большом психологическом словаре». Здесь образ определяется как «чувственная форма психического явления, имеющая в идеальном плане пространственную ориентацию и временную динамику» [13, с. 342].

По своему содержанию образ может быть как чувственным, так и рациональным. Образ выступает ориентировочной основой деятельности, в роли цели направляет активность субъекта.

Содержание образа может изменяться, преобразовываться. Объем содержания образа может быть различным. Различают образы: восприятия, представления, воображения.

Исходным материалом для построения образа являются ощущения, которые «выполняют сразу две функции:

1) служат языком, на котором описывается окружающая среда (характеристики объектов);

2) отражают отдельные свойства (признаки) объектов (цвет, температуру, гладкость/шероховатость и пр.)» [31, с. 248–249].

Как пишет В.А. Иванников, к сожалению, «до сих пор многими не понимается двойственная природа ощущений: быть языком, за который отвечает каждый анализатор (орган чувств и соответствующие отделы мозга), и описанием на этом языке внешних воздействий» [31, с. 249].

Мы бы продолжили мысль В.А. Иванникова и в соответствии с нашим определением мысли сказали бы, что ощущения поставляют материал для мыслей. Будучи опредмеченными, т.е. связанными с предметами, породившими ощущения, данные ощущения, касающиеся отдельных свойств этих предметов, превращаются в мысли о предметах, являющихся функциональными характеристиками предметов.

Очень важно, что В.А. Иванников уже на уровне ощущений выделяет в них эмоциональную и ориентировочную составляющие.

Главное качество образов – их предметность. Говоря о предметности восприятия, мы должны прежде всего выделить функциональное назначение образов. Образ формируется в целях познания либо в практическом значении. Между этими функциональными характеристиками образа существует взаимосвязь. Когда мы формируем образ предмета в познавательном плане, мы должны выделить предмет из ситуации (отделить от других предметов). Здесь на первый план выходят внешние характеристики вещи. В процессе познания мы устанавливаем:

- единичность и уникальность вещи;
- связь вещи с другими вещами;
- функциональное значение вещи;
- возможности ее использования на практике;
- способы обнаружения свойств вещи и ее отношений с другими вещами.

Познание вещи тесно связано с ее пониманием. Отражение вещи в окружающем мире – это познание, но отражение вещи как отличной от других вещей окружающего мира – это

и понимание ее отдельности, ее отличия от других. Приобретение знаний об отношениях вещей – это и понимание того, что вещи могут воздействовать друг на друга. Приобретение знаний о свойствах вещи – это понимание также их ценности, значения, смысла, функциональной ценности.

Сказанное относится к пониманию того, *что есть вещь*. Но существует и следующий уровень понимания – выяснение того, *почему данная вещь* во-первых, отличается от других, во-вторых, обладает именно этими свойствами, в-третьих, именно так соотносится с другими вещами и в-четвертых, именно так можно обнаружить ее свойства и отношения.

Процесс этот получил название интеллектуализации образа вещи. Здесь мы отметим только факт интеллектуализации образа. К более подробному рассмотрению этого процесса вернемся позднее.

Оставим пока в покое и вопрос о представленности в образе реального объекта, который находится вне человека. Этот вопрос детально рассмотрен Л.М. Веккером.

Вернемся к проблеме функциональной значимости образа. Первым этапом данной проблемы является выделение предмета восприятия из ситуации, в которой он находится. Выделение может осуществляться на двух уровнях:

- внешнего описания предмета-образа;
- содержательного наполнения внешнего образа конкретными качествами, имеющими функциональное значение. Отметим, что в ряде случаев функциональное значение приобретает и внешние признаки.

Психологические исследования показали, что образ – не фотография, и ведущую роль в построении образа играет познавательная активность субъекта. В отечественной психологии эти исследования были начаты А.Л. Ярбусом [77]. Исследования показали, что любое изображение содержит различные элементы: «на одних глаз задерживается особенно долго, на других мало и, наконец, на некоторых задерживается очень мало или вовсе не обращает на них внимания... Анализ записей движений глаз показывает, что элементы, привлекающие внимание, содержат или могут, по мнению наблюдателя, содер-

жать сведения, полезные и нужные в момент восприятия. Элементы, на которых глаз не останавливается, таких сведений не содержат или, по мнению наблюдателя, содержать не могут» [77, с. 125].

Отметим, что Ярбус пишет: «содержат сведения *полезные и нужные* в момент восприятия». Это указывает на то, что наблюдатель является субъектом восприятия, и он организует свое восприятие, оценивая те или иные элементы воспринимаемого предмета. Восприятие идет под регулирующим влиянием задач, стоящих перед субъектом. И образ выступает не как сумма ощущений, а *строится* субъектом восприятия, которым из предмета восприятия «вычерпываются» свойства, оцениваемые им как значимые.

Таким образом, если ранее мы отмечали, что существуют нейрофизиологические механизмы выделения отдельных признаков-мыслей, то теперь мы можем говорить о субъектной регуляции построения образа в процессе восприятия. Как пишет В.А. Барабанщиков, «восприятие – это непрекращающаяся связь индивида со средой, человека с миром, в рамках которой среда,

мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему» [7, с. 5]. Барабанчиков рассматривает восприятие как событие, а это значит, по мнению автора, оно должно «участвовать в процессах жизни: родиться и умирать, переходить из одной формы в другую, влиять на смежные процессы и испытывать их влияние на себе» [7, с. 5].

Отметим, что в этом жизненном процессе восприятие порождает образы не только отдельных предметов, но и целых ситуаций. Именно как образ могут сохраниться в памяти события и ситуации. Здесь еще раз уместно вспомнить вывод, который сделал Х. Дельгадо на основе анализа совокупности факторов, связанных с электрическим раздражением мозга. По его мнению, которое разделяет автор, эти данные позволяют «предполагать, что нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и т.д.), а также эмоциональное звучание событий» [22, с. 154].

Рассмотрим теперь процесс порождения и структуру мысли с позиции психической функции.

В чем назначение психических функций?

Психические функции конкретизируют общую задачу психики – обеспечивать выживание человека, выполняя специализированные функции психики. Психика обеспечивает деятельность, реализуя эту задачу через отдельные психические функции. Выполняя отдельные задачи, психические функции работают в системе целостной психической деятельности и в силу этого взаимосвязаны.

В общем виде, как отмечает В.М. Гордон, «понятие функции используется для определения направленного, избирательного воздействия, на основе которого устанавливаются *связи* между объектами, явлениями, их частями и свойствами» [13, с. 586]. Именно установление связи между объектами, их частями и свойствами в контексте рассматриваемой проблемы нам представляется наиболее важным в определении психических функций. Но, как мы определили ранее, именно эта связь вещи и ее свойства выступает как элементарная предметная мысль [72]. *Мысль выступает как продукт психической функции.*

Как отмечает В.Н. Мясищев, функция реализуется в процессе, нельзя разделять процесс и функцию. Поэтому психофизиологические функции рассматриваются вместе с процессами восприятия. Психические функции представляют собой отдельные стороны психической деятельности (восприятие, память, волевая регуляция и т.п.) С этой точки зрения отдельные психические функции рассматриваются как научные абстракции. «Реальным основанием для такой абстракции является то, что каждая функция, будучи одним из компонентов сложной психической деятельности, может в особых условиях становиться центральным звеном процесса психической деятельности. Так, в каждом процессе нашей деятельности участвуют восприятие, воспоминание, внимание, мышление и т.д. Но естественно или искусственно могут быть созданы такие условия, когда основными являются процессы восприятия, внимания и др. Понятие психических функций, аналитически раздробляющих психическую целостность процесса, является неизбежным следствием необходимости расчленять в процессе познания сложное целое на компоненты» [43, с. 20]. В поня-

тие «психические функции» органически входит позитивное представление о мозговых механизмах, реализующих Ψ -функцию.

В.И. Мясищев подчеркивает, что функции нельзя понимать вне отношений человека. В связи с этим на реализацию Ψ -функции и ее результат влияют мотивация, нравственность, переживания человека. Большое влияние на Ψ -функцию оказывают сознательная воля человека, ценности, которые стали жизненными целями человека. В качестве примера движущей силы поведения В.И. Мясищев приводит слова Анны Карениной: «Вы говорите энергия. Энергия основана на любви. А любовь неоткуда взять. Приказать нельзя». Без обращения к эмоциям и воле, отмечает Мясищев, невозможно понять психические функции восприятия, внимания, памяти, фантазии, мышления.

Рассматривая процесс восприятия, Мясищев отмечает его осмысленность. «Эта осмысленность означает не только связь отдельных объективных компонентов восприятия, но и *субъективную значимость* содержания восприятия для воспринимающего» (курсив мой. – Прим.). И далее: «Субъективное – это

отчасти то, что *привносится* субъектом, но отсутствует в воспринимаемом объекте». Это очень важное положение. Мысль всегда субъективна в отличие от информации.

Большой интерес для понимания структуры мыслей представляют взгляды Б.Г. Ананьева на комплексный механизм психических функций [2].

Согласно его схеме развитие психических свойств проявляется как развитие функциональных, операционных, мотивационных механизмов. Функциональные механизмы на раннем этапе возникновения реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения операционных механизмов. Между функциональными и операционными механизмами существуют сложные взаимодействия. Для развития операционных механизмов требуется определенный уровень функционального развития. В свою очередь, развитие операционных механизмов переводит в новую фазу развития и функциональные механизмы, их возможности прогрессивно возрастают, повышается уровень системности. В некоторые периоды индивидуального развития, к которым, как можно полагать, относятся

школьный возраст, юность и зрелость человека, между операционными и функциональными механизмами устанавливаются соразмерность, относительное взаимодействие.

В концепции механизма психических функций, разработанной Б.Г. Ананьевым, сделана попытка решить проблему соотношения биологических и социальных основ психической деятельности. Функциональные механизмы «детерминированы онтогенетической эволюцией и природной организацией человеческого индивида... Операционные механизмы не содержатся в самом мозге – субстрате сознания, они усваиваются индивидом в процессе воспитания, образования, в общей его социализации и носят конкретно-исторический характер» [2, с. 207]. Функциональные механизмы относятся к характеристикам человека как индивида, операционные – к характеристикам человека как субъекта деятельности, мотивационные – к характеристикам человека как индивида и личности.

Анализ психических функций в наших работах [71; 74], показывает, что в качестве операционных приемов выступают общие мыслительные операции анализа, синтеза, обобщения, сравнения, абстракции. Мышление включено

в процесс реализации психических функций восприятия, памяти и др.

В свою очередь, эти другие психические функции выступают в роли операционных механизмов мышления, при этом в мышлении отдельные познавательные функции интегрируются, проявляются системно в режиме взаимодействия. Таким образом, формирование и развитие психических функций одновременно выступают как процесс интеграции *интеллекта*.

Структура любой познавательной функции включает в себя, кроме собственных операционных и функциональных механизмов, другие психические функции, которые выступают в роли операционных механизмов. Данное представление о структуре психических функций отражено на рис. 2.

В каждом конкретном случае общие мыслительные операции (анализ, синтез, обобщение и др.) преобразуются в конкретные операционные механизмы.

Нейропсихологический анализ психических функций, в частности восприятия, проведенный А.Р. Лурия, показывает, что в проекционных зонах коры больших полушарий

выделяются три уровня: первый, проекционный, над которым располагаются аппараты вторичных или гностических зон коры (второй уровень), и над ними третичные функциональные зоны (третий уровень), выполняющие синтетическую функцию [41, с. 98].

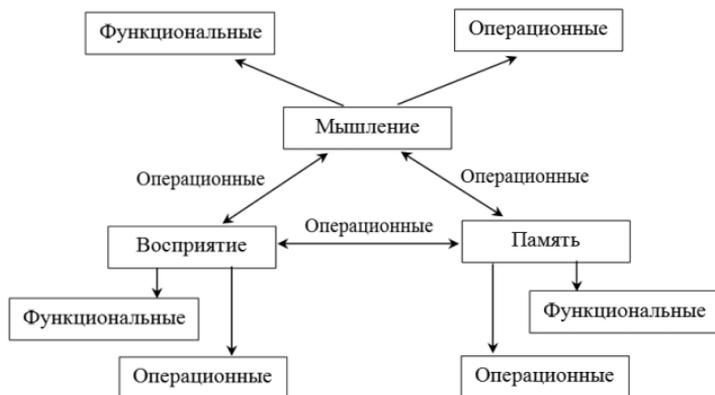

Рис. 2. Структура психических функций (на примере восприятия, памяти и мышления)

Для нас важно подчеркнуть, что вторичные зоны работают в качестве аппаратов, организующих те зрительные возбуждения, которые поступают с первичного уровня, а в третичных зонах интегрируются и организуются возбуждения от различных анализаторов. «Деятельность третичных зон задних отделов

коры необходима не только для успешного синтеза наглядной информации, но и для перехода от уровня непосредственного наглядного синтеза к уровню символических процессов, для оперирования со значениями слов, сложными грамматическими и логическими структурами, с системами чисел и отвлеченными соотношениями. Другими словами, *третьичные зоны задних отделов коры являются аппаратами, участие которых необходимо для превращения наглядного восприятия в отвлеченное мышление, опосредованное всегда внутренними схемами, и для сохранения в памяти организованного опыта»* [41, с. 103–104].

Обращение к психическим функциям позволяет ввести в контекст рассматриваемых проблем способности, так как ранее нами было показано, что их можно рассматривать как свойства функциональных систем, реализующих конкретную психическую функцию [71].

Итак, *механизм психических функций, осуществляющий связь отдельных свойств вещи с вещью в целом, и есть механизм порождения мысли, и следовательно, способность есть характеристика этого механизма в отно-*

шении продуктивности порождения мыслей. Таким образом, открывается путь к диагностике способностей через продуктивность порождения мыслей.

Рассмотрев механизм интеграции образа вещи и мыслей о свойствах этой вещи, мы фактически подошли к проблеме *осмысления* образа. Осмысление образа – это и есть наполнение образа мыслями, отражающими качества вещи, представленной в образе. Осмысление образа проходит в поведении и деятельности и носит функциональный характер, т.е. в образе обнаруживаются (если обнаруживаются) свойства-мысли, которые важны для актуальных форм поведения, а также для решения задач, которые возникают в процессе этого поведения.

Приведенный анализ сущности психических функций позволяет подтвердить сформулированные в главе 1 положения о мысли и ее структуре. Одновременно, он дает возможность сформулировать важное положение о том, что познавательные способности можно рассматривать как механизм порождения мыслей.

Определив мысль как связь свойства вещи с образом вещи, мы можем прийти к заключению, что *свойство вещи* может стать связующим звеном с другими вещами, т.е. через свойство вещей устанавливается связь между ними. Другими словами, через свойства вещей, включенных в образы этих вещей, осуществляется связь между образами. Эта связь и лежит в основе *суждения*. *В суждении проявляется мышление, основой которого является мысль. Иными словами, мышление, с одной стороны, есть процесс порождения мыслей и, с другой стороны, мышление протекает в мыслях.*

Традиционно выделяют три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое. Первые два вида мышления мы рассмотрим ниже.

Основными признаками *наглядно-действенного мышления* являются, во-первых, неразрывная связь с восприятием, оперирование только непосредственно воспринимаемыми вещами и их связями, которые даны в восприятии; во-вторых, неразрывная связь с прямым манипулированием вещами, принципиальная невозможность реализовать поставленную задачу без участия практических действий [46; 61]. Наглядно-действенное

мышление направлено прежде всего на выявление свойств предметов и явлений, наиболее близко лежащих «к поверхности», но скрытых от непосредственного восприятия.

Наглядно-образное мышление характеризуется тем, что мыслительная деятельность осуществляется на образном материале. Наиболее значительную роль в образном мышлении играют зрительные, слуховые и двигательные образы. «Визуальное» мышление – это мышление зрительными образами, в процессе которого «оцениваются и определяются различные взаимоотношения между вступившими в противоречие элементами и их комплексами, рассматриваются возможные направления развития ситуации» [5, с. 12]. Результатом этой работы может быть порождение новых образов, новых визуальных форм, несущих определенную смысловую нагрузку и делающих знание структурным и видимым. Эти образы отличаются автономностью и свободой по отношению к объектам восприятия.

Важной особенностью образного мышления является оперирование образами, возникающими при опоре на различные сенсорные системы. К сожалению, эти вопросы в психо-

логии изучены еще недостаточно. Как один из видов образного мышления можно выделить пространственное мышление в качестве мыслительной деятельности, обеспечивающей создание пространственных образов и оперирование ими в процессе решения различных задач. Следует отметить, что выявление пространственных свойств и отношений возможно только в ходе преобразующей деятельности.

Как мы видим, рассматриваемые нами виды мышления имеют дело с непосредственным восприятием, осуществляются на образном материале, на чувственных данных.

Как было показано выше, образы представляют собой субстанциональные образования мыслей. Следовательно, оба вида мышления есть оперирование мыслями в единстве содержательных, мотивационных и эмоциональных компонентов. Благодаря сложной субстанциональной характеристике образа в процессе мышления становится возможным, с одной стороны, удерживать образы в их устойчивых характеристиках, а с другой – устанавливая новые связи и отношения между мыслями, относимыми к разным образам при неизмен-

ной функциональной направленности мыслительного процесса.

Отметим, что через понятие мысли мы подошли к пониманию того, что такое «ум». В Философском энциклопедическом словаре ум определяется как «характеристика способности мышления и понимания» [64, с. 701]. Отмечается также, что в истории философии ум – то же самое, что и разум, дух, а в древнегреческой философии – нус (латинский интеллект). Такое определение ума отсылает нас к способности мышления. Но что такое способность мышления?

В нашем понимании способность мышления и есть порождение мысли. Мышление есть процесс порождения мысли. Эта способность мышления и будет характеризовать ум. Онтологическая сторона этой способности рассмотрена нами выше.

В общем виде механизм способностей рассмотрен в нашей монографии «Ментальное развитие человека». Человек мыслит мыслями, порождая их, заимствуя из опыта, обобщая в контексте решаемых задач, раскрывая существенные связи и отношения предметов и явлений. На путях предметно-образного мышления человек достиг многого в познании природы.

Это относится уже к доисторическому времени. Как отмечает К. Леви-Строс, именно в неолите, за несколько тысяч лет до формирования современной науки, «человек утверждает господство великих искусств цивилизации: гончарства, ткачества, земледелия и domestikации животных... Каждая из техник предполагает столетия активного и методического наблюдения, проверки смелых гипотез, отвергаемых либо доказываемых посредством неустанно повторяемых опытов... Чтобы преобразовать сорняк в культурное растение, дикого зверя в домашнее животное, выявить в том или другом полезные или технологические качества, которые первоначально полностью отсутствуют или, возможно, о них едва подозревали; чтобы сделать из нестойкой глины, склонной к разрыхлению, распылению или растрескиванию, прочную и герметичную посуду (предварительно найдя среди множества органических и неорганических материалов тот, что наиболее пригоден для обезжиривания, а также подходящее топливо, температуру и время обжига, степень продуктивного окисления); чтобы разработать техники, часто длитель-

ные и сложные, позволяющие превращать ядовитые зерна или корни в съедобные, а также использовать их токсичность для охоты, военных целей, для ритуала, потребовалась, несомненно, поистине *научная установка ума, усердия и всегда бдительная любознательность, аппетит к познанию ради удовольствия познавать*, поскольку лишь малая доля наблюдений и опытов (которые, как можно предположить, вдохновлялись с самого начала и главным образом вкусом и знаниями) приносила практические результаты. И мы еще оставляем в стороне металлургию бронзы и железа, драгоценных металлов и даже простую обработку природной меди путемковки, появившуюся на несколько тысяч лет ранее металлургии, а ведь все это уже требует продвинутой технической компетентности» [38, с. 124–125].

В данном восхитительном отрывке в концентрированной форме показаны достижения человека неолита или протоистории, достижения первобытного мышления. Неолитический парадокс, как оказалось, заключается к следующей проблеме: после столь бурного прогресса в сфере познания

природы и технологий человечество остановилось в своем развитии на несколько тысячелетий до формирования современной науки с ее достижениями.

Анализируя ситуацию, Леви-Строс делает заключение, что отмеченный парадокс «допускает только одно решение: существуют два различных способа научного мышления, являющиеся функциями (конечно, на разных стадиях развития человеческого разума) двух разных стратегических уровней, на которых природа подвергается атаке со стороны научного познания» [38, с. 124]. Один путь основывается на восприятии и воображении, он весьма близок к чувственной интуиции, другой основывается на абстрагировании от чувственного восприятия, в силу этого он более *свободен, расторможен*, что позволяет раскрывать более отдаленные связи и отношения.

Следует также подчеркнуть вывод Леви-Строса о том, что оба способа научного мышления (первобытного, мифологического и современного) различаются *«не по роду ментальных операций»*, которыми оба они располагают и которые отличны не столько по своему характеру, сколько *по типу явлений, к которым они прилагаются* [38, с. 124].

Первобытное мышление в большей мере направлено на практическое знание и технологию, но в процессе познания оно использует те же мыслительные операции: анализ и синтез, систематизацию и классификацию. Оно направлено на выявление прежде всего чувственных качеств, позволяющих определить ценность вещи. В своем стремлении познать первобытное мышление конструирует определенные *абстрактные* схемы познания, постулирующие связь между воспринимаемыми и скрытыми качествами, свои способы наблюдения и рефлексии, которые часто в кодированной форме фиксировались в мифах и ритуалах.

Первобытное мышление создало науку *конкретного*. В операциях мышления стал использоваться знак. И хотя знак в первобытном мышлении носил такой же конкретный характер, что и образ, но по своей референциальной особенности он уже был подобен понятию. Как и понятие, знак замещает другую вещь, адресуется к элементам первобытной культуры, способам человеческой деятельности. Мифологическое (первобытное) мышление можно назвать обобщающим, оно действует посредством аналогий и сопоставлений.

Характерной особенностью первобытного мышления является то, что качества, которыми оно оперирует, непосредственно входят в *переживаемый* субъектом опыт, а следовательно, они всегда лично значимы. Таким образом, в первобытном мышлении фактически снимается проблема мотивации познавательной деятельности.

В заключение отметим, что мышление ребенка конкретно, как и мышление первобытного человека, оно базируется на чувственном опыте и чувственной интуиции. Не должно быть разрыва между чувственным познанием и рациональным познанием. И переходным мостом здесь должны быть *методы мышления*. Как мы уже отмечали, они общие у чувственного и рационального мышления, но имеют свой предмет. А для этого очень важно показать трансформацию самого *предмета познания* из чувственного в абстрактный, рациональный.

Мысль и слово

Связи мышления и речи посвящено значительное количество исследований. А.Н. Соколов отмечает, что «мысль и язык

связываются в единый и неразрывный комплекс, действующий как речевой механизм мышления» [57, с. 3]. При этом в трактовке речи и мышления существуют две основные точки зрения. Первая отстаивает позицию, что «мышление и речь тождественны (мышление есть беззвучная речь, «речь минус звук»), вторая утверждает, что «мышление и речь лишь внешне связаны друг с другом (речь есть наружная оболочка мышления, средство выражения готовых мыслей, возникающих вне формы слов и чувственных образов)» [57, с. 3–4].

Данная проблема достаточно подробно анализируется А.Н. Соколовым. Отметим, что проблема отношений мышления и речи анализируется вне отношения мышления и мысли. Основная проблема заключается в вопросах: Что такое мышление и что такое язык (речь) – это одно и то же или разное? Возможны ли мышление без речи и речь без мышления? Какова роль речи в процессах мышления?

А.Н. Соколов отмечает, что у философов активность мысли всегда связана со словом. Аристотель объединяет мысль и слово в единое целое, но при этом не отождествляет их

ни друг с другом, ни с предметами мысли. Источником мыслей у Аристотеля является чувственное восприятие вещей. Томас Гоббс (1588–1679) считал, что мыслящая вещь есть нечто материальное, образ рассматривал как «фантазм», создаваемый разумом, слова считал «метками» для запоминания мыслей.

Джон Локк полагал, что наш умственный опыт основывается на ощущениях и восприятиях. Локк включал в мышление ощущение, восприятие, память, воображение, понятие и считал возможным возникновение мыслей без языка. По мнению Лейбница, язык нужен человеку для рассуждения с самим собой, язык (слово) закрепляет мысли, слово служит для сообщения мыслей другим. Гумбольдт придерживался взгляда, согласно которому никакая мысль не может существовать без языка. Мыслить – значит говорить с самим собой. Интересна мысль Гегеля об отношении мышления и ощущения: «Когда мы схватываем чувственное многообразие, мы еще не мыслим; только связывание (*das Beziehen*) его есть мышление» [19, с. 96].

Важно отметить, что Гегель подчеркивал, что мышление – есть связь (связывание). Следует отметить также взгляды на мысль и мышление

Фридриха Макса Мюллера (1823–1900). Под мыслью Мюллер понимал акт мышления, а под мышлением – мысленное комбинирование мыслей. В каждой мысли, – отмечал он, – присутствуют ощущения, представления, понятия и названия. В работе «Наука о языке» он отмечал, что в основе слова лежит качество или качества, которые человек выделяет в вещи и которые наиболее важны для него.

Интересные взгляды на отношение мысли и слова содержатся в работе А.А. Потебни [47, т. 1]. Отмечая органическое единство мысли и слова, он отмечал одновременно их различие. Элементарные мысли (чувства), считал Потебня, возможны без слов. Эту последовательность в изложении отношений слова и мысли можно было бы продолжать и далее, но обобщая уже названные работы, приходится констатировать: проведенный анализ не продвигает нас в понимании того, как соотносятся мысль и мышление, не позволяет дать обоснованное толкование отношений мысли и слова.

Попробуем дать ответ на поставленный вопрос с позиции нашего понимания *мышления как процесса порождения* мыслей и работы

с мыслями при решении задач (практических и теоретических). Ребенок овладевает речью приблизительно к двум годам. Но образ матери у него формируется в первые месяцы. При виде матери он улыбается, протягивает руки, бежит к ней, выражает свое отношение к ней. Он не знает слово «мама», но он знает ее как человека, который удовлетворяет все его потребности. Мать с позиции ребенка выражает (несет собой) качества, которые для него жизненно важны. С матерью связываются мысли, насыщенные глубокими переживаниями. И только позднее ребенок усваивает, что мать «называется» мама. Он узнает слово, которое связано со всем комплексом мыслей о матери. Слово выступает как знак, наполненный определенными мыслями.

Не в столь яркой форме эта связь мысли и слова проявляется и в других случаях чувственного познания. Вначале возникает субстанция мыслей о вещи, затем образуется название вещи-слова. В дальнейшем, при восприятии *знакомого* слова у человека воспроизводится из памяти симптомокомплекс мыслей, который в прошлом связывался с этим словом.

С раскрытием содержания слова связана проблема понимания как в образовании, так и в жизни. Типичным примером является ситуация сегодняшнего дня. По всем каналам средств массовой информации мы слышим англоязычные слова, относящиеся к определенной области знаний и практики, чаще всего к экономике. Значительная часть населения этих слов-терминов не знает и сообщений не понимает. В обучении для достижения понимания необходимо, чтобы у обучающегося было сформировано понимание слов, используемых педагогом, причем в том же смысле, в котором их использует педагог (или автор учебника).

Проведенный анализ раскрывает роль психических функций в порождении мыслей, устанавливается активная роль наблюдателя в формировании мыслей, раскрывается структура мысли и образа, показывается, что процесс мышления есть процесс порождения мыслей и использования их при решении задач, стоящих перед субъектом. Сказанное позволяет дать содержательную характеристику ума, которая заключается в *способности* порождать мысли, тем самым открываются новые пути диагностики ума и интеллекта человека.

Глава 3

Мысль как основа психических процессов

Показывается, что содержанием образов и результатом восприятия, представления и воображения являются образы-субстанции мыслей. Раскрывается представленность предметных мыслей в каждом из образов и их динамика при переходе от образа-восприятия к образу-представлению и образу-воображению. Рассматривается отношение образа и слова со стороны представленности в них предметных мыслей.

Как показано в гл. 1 и 2, под предметной мыслью будем понимать связь вещи и ее признака (свойства), устанавливаемую субъектом. Мысль рождает мыслящий человек, поэтому она всегда носит субъективный характер. Этот процесс субъективации идет по трем направлениям:

- в мысли опредмечивается потребность мыслящего субъекта;
- мысль «оборачивается» в нравственные устои субъекта;
- происходит социокультурная и ситуативная субъективация мысли.

Структура мысли включает три компонента: содержание, потребности (мотивы) и переживания. В единстве этих трех компонентов мысль выступает как живое знание, как потребностно-эмоционально-содержательная субстанция.

Что же представляет собой образ с этих позиций? В категориальном аппарате психологии образ выступает как результат восприятия вещи. *В ощущениях и восприятии образ вещи выступает в единстве с признаками (качествами) вещи.* Это ключевой момент. Образ без признаков превращается в фантом. *Единство образа и его признаков выражается в мыслях.* Восприятие вещи – это одновременно и порождение мыслей, позволяющее выделить вещь среди других вещей и наделить ее определенным функциональным содержанием.

Таким образом, содержанием образов, возникающих в результате восприятия предметов внешнего мира, в основе которого лежит *взаимодействие* субъекта с объектом (по А.Н. Леонтьеву), являются мысли-свойства этих предметов. Образ выступает как системное образование предметных мыслей.

На уровне психологического анализа *образ предмета* выступает как совокупность мыслей-свойств, объединенных в единое целое (предметность и целостность), характеризующееся определенным постоянством, обобщенностью и осмысленностью. И если мысль мы определили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то и образ будет выступать как субстанция мыслей – *образ-субстанция*. А это значит, что образ-субстанция будет выступать как устойчивая совокупность мыслей, как прибывающая во времени сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, т.е. образ, будучи сформирован как субстанция мыслей, будет существовать во времени и проявлять свою сущность в отношениях мыслящего субъекта с внешним миром и с самим собой.

Сформировавшись, образ-субстанция будет составлять содержание ума и определять отношения во внутреннем мире человека.

Являясь порождением активности человека, образ будет входить в содержание личного сознания человека, а сам образ будет всегда субъективным образованием [23].

Образы одной и той же вещи у различных лиц не будут тождественны. Личностные образы всегда будут носить черты оперативности (по Д.А. Ошанину) и нести на себе отпечаток мотивационной сферы, переживаний и нравственных устоев субъекта, которому они принадлежат. Субстанциональная часть образа будет окутана облаком мыслей-обертонов, связанных с задачами, в решение которых вовлекается образ, ситуацией и субъектом восприятия. Образы-субстанции в единстве с обертонами мыслей и составляют *содержание индивидуального сознания*. Отдельные мысли из обертонов могут переходить в субстанциональную часть образа при его устойчивости. Ведущую роль в этих изменениях играет включенность образа в решение жизнедеятельностных задач. Включенность в деятельность привносит в процесс интеллектуализации образа организующее начало.

Структура образа, включающая потребности и переживания, становится основой, которая позволяет обеспечить взаимосвязь отдельных образов, их создание и участие в решении задач.

Отражение образа в слове

Как единица языка слово служит для называния отдельного понятия [44, с. 650]. Понятие же определяется как «логически оформленная общая мысль о предмете» [44, с. 497]. Таким образом, слово служит для называния логически оформленной общей мысли о предмете. Остается уточнить, что же такое *общая* мысль, общая по отношению к чему или кому. Общая по отношению к предмету. Но ведь может быть мысль, общая и по отношению к *субъектам* восприятия! По всей вероятности, мысль, общая по отношению к предмету, должна быть отнесена к субъектам восприятия. Это у них должна быть общая мысль, характеризующая предмет, имеющая определенное *значение* для всех.

Если индивидуальный образ имел для субъекта личностный смысл, то слово, обозначающее образ, будет иметь значение, общее для субъектов, использующих это слово, за которым стоит обобщенный образ. Но что такое обобщенный образ? Это образ, лишенный индивидуальных переживаний и личностных мыслей-обертонов. Обобщенный образ – это объединенный образ, благодаря

этому он имеет общее *значение* и в таком виде служит для передачи мыслей от одного субъекта к другому. Значение образа имеет функциональный смысл, индивидуальный образ несет в себе еще и личностный смысл. Как мы уже отмечали, слово, отражающее образ, всегда беднее образа, породившего слово. Приведенные выше рассуждения показывают, что *между мыслью и словом имеется сущностное единство и нельзя противопоставлять мысль и понятие, а следовательно, наглядное и понятийное мышление*. Субстанцию мыслей, выраженную словом, можно рассматривать как *индивидуальное понятие (предпонятие)*.

Индивидуальный образ не остается неизменным. Будучи включенным в мир внутренний жизни субъекта, он «живет» в этом мире, претерпевая изменения, диктуемые динамикой внутреннего мира. И здесь мы подходим к пониманию *образа-представления*.

Образ, представление и воображение

Обычно, говоря о представлении, разделяют представления памяти и представления воображения. Остановимся вначале на первом

понятии – представлении памяти, под которым понимается воспроизведение в *сознании* ранее пережитых восприятий. Представления памяти – это представления того, что было. Но воспроизведение того, что было, не тождественно тому, что воспринималось.

Как мы уже отмечали, воспринимаемый образ всегда субъективен, он выступает как единица личного сознания и сохраняет свое постоянство достаточно краткое время. Даже пребывая в настоящем времени, образ предмета, обеспечивая адекватность воспринимаемой вещи, постоянно находится в динамике, диктуемой ситуацией, решаемой задачей и личностными ценностями.

Постоянна вещь, но образ этой вещи как субъективный образ изменчив. В данном случае мы подчеркиваем субъективную изменчивость образа при его предметной устойчивости для того, чтобы понять отношения образа-восприятия и образа-представления. Для понимания этого отношения отметим, что образ-представление, как и образ-восприятие, *функционален*. Мы всегда воспроизводим образ для решения какой-либо задачи, руководствуясь определенными потребностями либо пере-

живаниями. Образ-восприятие остался в прошлом. Образ-представление воспроизводится в настоящем для решения задач, стоящих перед субъектом «здесь и сейчас». В силу этого *образ-представление* находится под контролем всей внутренней жизни человека, он *выступает как часть сознания субъекта*. Поэтому в образ-представление могут приноситься новые мысли, которых не было в процессе восприятия, но при этом образ-представление будет обеспечивать *предметность* представления, отнесенность к конкретной вещи внешнего мира.

Образ-представление есть образ-восприятие, преломленный через внутренний мир человека, отнесенный к решаемой задаче и ситуации. Именно в этом заключается продуктивность представлений. Недаром в русских народных сказках говорится: «Утро вечера мудренее».

Образ вещи и представления о вещи имеют разное наполнение мыслями, но при этом они сохраняют свою предметность. Таким образом, мы рассмотрели предметные отношения образа-восприятия и образа-представления.

В рассмотренной динамике большую роль играет *понятийная сторона, связанная с выражением образа в слове*. Как было пока-

зано ранее, образ вещи богаче мыслями понятия об этой вещи. Через понятие мы передаем значение вещи другим. Но пока образ вещи и понятие о вещи остаются достоянием одного и того же лица, которое и формирует первичное понятие о вещи, это отношение единое. Понятие о вещи в этом случае содержит и те мысли, которые субъект передает другим, и свое представление о личностном смысле образа, включая мысли-обертонь. Это понятие, не лишенное для субъекта индивидуальных мотивов и переживаний. И в этой полноте образ-понятие становится достоянием личного сознания. В этой полноте мыслей образ может воспроизводиться в представлениях субъективной памяти. При этом с представлением могут происходить трансформации, о которых мы говорили ранее. Разная наполняемость мыслями представлений о вещи у разных субъектов не лишает их возможности общения и *может служить* основой для взаимного *обогащения* мыслями субъективных представлений.

Следовательно, обращение к образу и представлению через их выражение в индивидуальных мыслях показывает их взаимосвязь

и одновременно различие, обусловленные временем, ситуацией и задачами, решаемыми субъектом. В представлении мы выходим за рамки образа-восприятия, добавляя в него элементы (мысли) индивидуального сознания.

Рассматривая познавательные процессы: восприятие, память, воображение, мы должны постараться ответить на вопрос: что нового привносит тот или иной познавательный процесс? При этом необходимо помнить, что все познавательные процессы первоначально включены в жизнедеятельность человека. И если процессы ощущений и восприятия дают нам сведения об окружающем мире и о нас самих, на основе которых мы и строим свое поведение, то *представления* памяти *снабжают нас сведениями из нашего опыта*, на основе которых происходят построение поведения и субъективная организация деятельности. Недаром уже в глубокой древности люди придавали большое значение памяти. Замечательно в этом отношении изречение Эсхила, вложенное в уста Прометея: «Послушай, что смертным я сделал: число изобрел, слова слагать научил, память им

дал». Матерью всех муз древние греки считали богиню памяти Мнемозину. Современные нейропсихологические исследования показывают, что под влиянием памяти (прошлого опыта) находятся все познавательные процессы и поведение в целом (Н.П. Бехтерева и др.).

Какова же в процессах жизнедеятельности функция представления-воображения?

Воображение включено в деятельность, прежде всего в процессы *целесолагания*.

На физиологическом уровне роль предвидения результата поведения рассмотрена П.К. Анохиным в механизмах «акцептора результата действия», который «предвосхищает» афферентные свойства того результата, который должен быть получен в соответствии с принятым решением и, следовательно, опережает ход событий в отношениях между организмом и внешним миром» [3, с. 52–53].

Ту же роль в построении движения играет у Н.А. Бернштейна «задающий элемент, вносящий тем или другим путем в систему требуемое значение регулируемого параметра» [9, с. 357].

В работе Д. Миллера, Ю. Галантера, К. Прибрама эту роль предвидения выполняют намерения и планы поведения. Авторы понимают намерения как ожидаемый результат [41]. Намерение выражается в плане поведения, который реализуется по схеме Т-О-Т-Е.

Как считают Р. Акофф и Ф. Эмери, в поведении целеустремленных систем ведущая роль отводится целям, в которых отражается множество результатов [1].

Этот ряд результатов исследований можно было бы продолжить, но главный вывод ясен – поведение человека определяется целью, в которой отражены параметры результата. Цель формируется до начала деятельности. В ее формировании существенную роль играют процессы представления прошлого опыта и *воображение*, когда деятельность связана с получением нового продукта, обладающего новыми свойствами и функциональными возможностями.

Новый продукт может задаваться системой технических требований или образом. Примером первого случая могут выступать технические требования к новому самолету: высота полета, грузоподъемность, скорость,

экономичность. Пример второго типа – образ нового здания, непохожего на существующие, с определенными эксплуатационными характеристиками. Важно подчеркнуть, что в любом случае «новое» будет включать элементы опыта, имеющиеся в индивидуальном сознании. И даже технические задания будут содержать образную часть. Поэтому мы согласны с мыслью С.Л. Рубинштейна о том, что воображение – это преобразование данного в опыте и порождение на этой основе новых образов.

«Воображение в собственном смысле имеется лишь тогда, когда течение образов перестает быть произвольным изменением, как бы искажением образов-представлений, становясь свободным оперированием образами, не связанным установкой на воспроизведение» [51, с. 296].

Итогом воображения является, как правило, функциональный образ, а раз образ, то мы будем иметь дело с субстанциональным образованием мыслей, и механизмом формирования образа-воображения будет выступать механизм работы с мыслями. Воображение работает с опытом субъекта, но, как отмечает С.Л. Рубинштейн, оно может «совершить

и такой отлет от действительности, который создает фантастическую картину, ярко отклоняющуюся от действительности. Но и в этом случае оно в какой-то мере отражает эту действительность. И воображение тем плодотворнее и ценнее, чем в большей мере оно, преобразуя действительность, отклоняется от нее, при этом все же учитывает ее существенные стороны и наиболее значимые черты» [51, с. 297].

Итак, мы выяснили назначение воображения в культурно-историческом аспекте, определив его место и назначение в структуре продуктивной деятельности, показали связь воображения с восприятием. Через использование образов восприятия показали связь воображения и мысли. *Воображение дает нам образ-субстанцию мыслей в оригинальном сочетании.*

При рассмотрении функций воображения, наряду с деятельностной, можно отметить аффективную функцию, выделенную Е.О. Смирновой в своей работе [55]. Суть этой функции заключается в создании воображаемых ситуаций, в которых субъект добивается успехов, утверждает себя сильным, смелым,

ловким, всемогущим. Проживая такие воображаемые ситуации, человек испытывает чувство удовлетворенности, они повышают его субъективное мироощущение, выступают в роли защиты «Я», если такая необходимость появляется.

Создание образа в процессах воображения предполагает использование ряда специфических ментальных операций. Наиболее часто выделяют следующие типичные способы преобразования: агглютинации, гиперболизации, заострения, схематизации и типизации. Под операциями *агглютинации* понимается соединение несоединяемых в реальности качеств, свойств, частей предметов; *гиперболизация* заключается в преувеличении или преуменьшении отдельных частей, включаемых в образ; *заострение* (акцентуирование) подчеркивает какой-либо признак, часть образа; *схематизация* состоит в сглаживании различий и выделении сходства; *типизация* проявляется в выделении существенного в однородных явлениях и воплощении его в образе воображения.

Наиболее общей операцией является *комбинирование* – сочетание данных опыта в новых необычных комбинациях. Комбинирование

черт воображаемого образа является не случайным набором, а подбором определенных элементов, соответствующих замыслу субъекта воображения. Процесс воображения протекает на уровне как сознания, так и бессознательного, но всегда определяется мотивацией и переживаниями.

«Поскольку, акцентируя, типизируя, воображение обобщает, выявляя при этом обобщенное значение не в отвлеченных понятиях, а в конкретном образе, – пишет Рубинштейн, – в воображении, естественно, заключена тенденция к *иносказанию*, аллегории, метафоре, метонимии, синекдохе, *символу* – к *слиянию образа и значения*, к использованию образа в *переносном значении* [51, с. 307].

Проведенный анализ показывает путь мысли от образа к представлению и воображению, отражению в слове-понятии. Этот путь мысль проходит в операциях мышления.

Мысль и мышление

Выше мы определили содержание и результат восприятия и представлений (памяти и воображения).

Что же является содержанием и результатом мышления?

Можно высказать суждение, согласно которому содержанием мышления является проблемная ситуация (задача), а результатом – разрешение проблемной ситуации. Отметим, что проблемная ситуация может относиться к реализации той или иной психической функции, к организации деятельности и поведения. В восприятии проблемной ситуации является процесс выделения конкретного объекта из среды, ответ на вопрос: почему эта вещь такая? При реализации мнемической функции проблемой является вопрос: что и как следует запомнить? Таким образом, мы видим, что мышление входит в процессы восприятия и запоминания. Можно сказать, что эти процессы «умные».

При построении движения, как отмечал Н.А. Бернштейн, проблема заключается в ограничении степеней свободы движения. И мышление включено в решение этой задачи.

Работая с образами и представлениями, мышление работает с мыслями, в которых находят отражение образы и представления.

Таким образом, мы приходим к выводу, что *мышление мыслит мыслями*. Невозможно изучать мышление вне мыслей, с которыми оно работает. То же самое мы можем сказать о движениях и действиях, которые также отражаются в мыслях. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, «*мышление* как познавательная теоретическая деятельность, теснейшим образом связано с *действием*. Человек *познает действительность*, действуя на нее, понимает мир, изменяя его. Мышление не просто сопровождается действием или действие – мышлением, действие – это первичная форма существования мышления. Первичный вид мышления – это *мышление* в действии и *действием*, мышление, которое совершается в действии и в действии выявляется» [51, с. 310–311]. Остается добавить, что операции мышления осуществляются над определенным содержанием, выраженным в мыслях. «Реальное мышление – это *движение в мысли*», писал Рубинштейн. «Движение мысли» – это образное выражение, за ним стоит реальный процесс работы с мыслями и над мыслями.

В той мере, в какой мышление имеет дело с понятиями, оно также работает с мыслями, отраженными в этих понятиях. Однако

в понятиях мы уже имеем дело с мыслями обобщенными, опосредованными общественной практикой, т.е. мы имеем дело со *значениями* и *ценностями*. Но в силу того, что мыслит всегда конкретный человек, эти значения должны стать достоянием *индивидуального сознания*.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

- Во-первых, образы восприятия, представления и отражающие их понятия в личном сознании выступают в качестве субстанции мыслей и тесно связаны друг с другом. Образ-субстанция воспроизводится в образе-представлении и оформляется в субъективном понятии обозначаемым словом, содержанием которого является также субстанция мыслей. При сохранении единства мыслей, позволяющих однозначно идентифицировать вещь, образ восприятия и образ представления могут различаться. Оформление образа или представления в слове, выражение их в понятии личного сознания сохраняют содержание, но передача понятия другому обедняет образ, лишая его личностных обертонов.

• Во-вторых, содержание образа-восприятия и образа-представления, выраженное в субстанции мыслей, составляет содержание сознания. Иными словами, совокупность личностных мыслей, отражающих индивидуальный опыт человека, характеризует его сознание.

• В-третьих, образы воображения выходят за границы динамического ряда мыслей, характеризующих образы восприятия, представления и понятия.

• В-четвертых, понять природу образа, понятия, мышления и сознания невозможно без обращения к личным мыслям человека.

Глава 4

Операции мышления

Рассматривается отношение между понятиями «ум», «рассудок», «разум» со стороны представленных в них мыслей. Показывается взаимосвязь различных форм мышления. Выделяются основные операции мышления: суждение, рассуждение (обоснование и заключение), абстрагирование, сопоставление, сравнение, различение и опосредование, анализ и синтез. Показывается, что в конкретной деятельности, при реализации отдельных психических функций базовые операции приобретают черты оперативности.

Как отмечалось выше, формирование образа – субстанции мыслей – не фотография. По А.Л. Ярбусу, ведущую роль в построении образа играет познавательная активность субъекта восприятия [77]. Как писал В.И. Мясищев, субъективное – это то, что *привносится* субъектом, но отсутствует в воспринимаемом объекте [64]. Поэтому процесс мышления детерминируется потребностями, смыслами, ценностями субъекта и его переживаниями. Процесс мышления направлен на

решение задачи, он функционален. Первичной предметной формой мышления как процесса порождения мысли, является *суждение*. В суждении содержится связь между вещью и ее свойством. Яблоко красное, погода солнечная, девушка стройная и т.д. Уже в приведенных примерах видно, что свойства, которые выделяются в вещи, различаются по своим характеристикам (это предмет отдельного анализа). Выделение свойств в предмете есть операция *анализа*.

Суждение есть продукт порождения мысли и одновременно следствие процесса мышления, заключающегося в *анализе* предмета восприятия.

Онтология этого умного восприятия, включающего в себя *анализ и синтез*, описывается физиологической функциональной системой, реализующей восприятие. Таким образом, мы подходим к пониманию, что такое «ум». В «Философском энциклопедическом словаре» ум определяется как «характеристика способности мышления и понимания» [64, с. 701]. Такое определение ума отсылает нас к способности мышления. Но что такое способность мышления?

В нашем понимании, с одной стороны, способности мышления и есть способность порождения мыслей. Эта способность мышления и есть ум. Ум – это способность порождать мысли. Следовательно, ум, мышление и способность порождения мыслей выступают в единстве: мышление как процесс порождения мысли, ум – как итоговая характеристика этого процесса.

Человек мыслит мыслями, порождая их, заимствуя из опыта, обобщая в контексте решаемых задач, раскрывая сущностные связи и отношения предметов и явлений. Следовательно, мы раскрываем сущность такой категории, как «ум», а вместе с ним таких понятий, как рассудок и разум. Рассудок и разум есть функции ума, два уровня проявления мыслительной деятельности, на которых ум работает с мысленными субстанциями различного качества, входящих в них мыслей. Как писал И. Кант, «всякое наше познание, начинаясь с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления» [34, с. 340].

Приведенное высказывание И. Канта типично для философских рассуждений. Здесь все правильно, но каждая фраза нуждается в содержательном разъяснении. Что понимается под чувствами, что значит от чувств перейти к рассудку, что значит – закончится в разуме???

В рассмотренных нами понятиях: мысль, мышление, ум, рассудок и разум, на все эти вопросы дается ответ.

Отталкиваясь от процесса порождения мысли, связывая его с психической функцией, мы выделяем первичные операции ума: суждение, анализ, синтез. Для этих операций нами раскрыты онтологические механизмы их реализации.

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению операций ума, остановимся на классическом (наиболее часто используемом) определении мышления. Для этого воспользуемся представлением о мышлении А.Н. Леонтьева [39]. Во-первых, отметим, что он выделяет разные виды мышления: «наглядно-двигательное мышление, его еще называют “симпраксическое”, вплетенное непосредственно в практическое действие

(я, кстати, предпочитаю именно этот термин). Затем “визуальное” мышление (я предпочел бы этот термин, он более острый). Ну и, наконец, дискурсивное мышление. Вот три фундаментальные формы» [39, с. 332].

Далее отметим, что Леонтьев разделяет непосредственно чувственное познание и познание в форме мышления. Это, по Леонтьеву, «фундаментальное различие» [39]. Нам представляется, что здесь чувственное познание незаслуженно лишается мышления. И это мы постарались показать выше. Позиция Леонтьева может быть объяснена тем, что он уходит от мысли, ее порождения, которое и составляет суть мышления. Здесь мы наблюдаем то же обособление образа от понятия, с которым сталкиваемся в психологической литературе. Исследователи акцентируют внимание на различиях и абстрагируются от сходства. А сходство заключается в динамике мыслей, содержащихся в образе и понятии.

Леонтьев определяет мышление как процесс сознательного отражения действительности в таких объективных ее свойствах, связях и отношениях, в которые включа-

ются и недоступные чувственному восприятию объекты. В основе этого дискурсивного (рассуждающего) мышления лежит *взаимодействие*. В одном случае (чувственного познания) это взаимодействие субъекта и объекта восприятия, в другом – «субъектно-объектно-объектное», т.е. взаимодействие, устанавливаемое субъектом познания между объектами познания. Признавая это существенное различие в формах познания, мы при этом констатируем, что в основе обоих видов познания лежит мысль, порождаемая во взаимодействии, и чувственное познание нельзя отрывать, лишая мышления. Между ними существуют не только различия, но и не менее фундаментальное сходство. Это сходство заключается в том, что в обоих видах мышления порождается мысль как связь свойства вещи и вещи, раскрываемая на основе онтологических механизмов восприятия или взаимодействия объектов, результат которого воспринимается субъектом познания либо в процессе непосредственного восприятия результата взаимодействия (Леонтьевский пример с определением твердости), либо или с помощью приборов или

сложной системы опосредования теоретическим знанием, в основе которого лежит чувственная мысль.

Необходимость выделения объекта восприятия из окружающей среды потребовала операции *абстрагирования*, которое также связано с порождением мысли в ее функциональном назначении.

Каждый предмет обладает бесконечным количеством свойств. Нельзя познать никакую вещь исчерпывающим образом. Свойства вещи в отношении к другим вещам раскрываются в деятельности. Рассматривая вещь со стороны ее свойств, мы в мышлении порождаем мысли, связывающие вещь и ее свойства. А используя данную вещь в целях конкретной деятельности, мы оперируем ее функциональным свойством, *отвлекаясь*, или *абстрагируясь* от других свойств. Таким образом, *операция абстрагирования носит функциональный характер*, т.е. она заключается в отборе тех мыслей-свойств, которые необходимы для деятельности. В дальнейшем это может относиться к выделению всей вещи, которая благодаря своим свойствам является функционально значимой.

Операции суждения, анализа, синтеза и абстрагирования определяют первый уровень познания, выделяют вещь из других вещей по совокупности ее функциональных свойств. Второй уровень познания, заключающийся в установлении того, почему вещь такая, мы здесь не рассматриваем.

Нетрудно показать, что и все остальные операции ума – *сопоставление, сравнение, различение, опосредование* – *связаны с взаимодействием и установлением связей, т.е. с порождением мыслей.*

В развернутой форме с использованием указанных операций возможны такие интеллектуальные операции, как: аргументация, понимание, установление значений и смыслов, идентификация, доказательство, интерпретация, классификация, индукция и дедукция.

В реализации отдельных психических процессов базовые и производные интеллектуальные операции приобретают черты оперативности и единичную форму. Так, при изучении мнемической функции и функции восприятия были выделены следующие интеллектуальные операции и способы реализации функциональной задачи [74]:

- группировка – разбиение материала на группы по каким-либо основаниям (смыслу, ассоциациям, законам гештальта и т.д.);

- опорные пункты – выделение какого-либо важного пункта, служащего опорой более широкого содержания. Например, тезисы, заголовки, вопросы, образы излагаемого в тексте, примеры, цифровые данные, сравнения, имена, эпитеты, незнакомые или малознакомые слова, чем-либо выделяющиеся выражения, эмоциональная реакция субъекта и т.д.;

- мнемический план – совокупность опорных пунктов;

- классификация – распределение каких-либо предметов, явлений, понятий по классам, группам, разрядам на основе определенных общих признаков;

- структурирование – установление взаимного расположения частей, составляющих целое, внутреннее построение запоминаемого;

- систематизация – установление определенного порядка в расположении частей целого и связей между ними;

- схематизация – изображение или описание чего-либо в основных чертах или упрощенное представление запоминаемой информации;

- аналогия – установление сходства, подобия в определенных отношениях предметов, явлений, понятий, различающихся между собой;

- мнемотехнические приемы – совокупность готовых, известных способов запоминания;

- перекодирование – вербализация или проговаривание, называние, представление информации в образной форме, преобразование информации на основе семантических, фонематических признаков и т.д.;

- достраивание запоминаемого материала – привнесение новых элементов в запоминаемое субъектом: использование вербальных посредников; объединение и привнесение чего-либо по ситуативным признакам; распределение по местам (метод локальной привязки, или метод мест);

- сериационная организация материала – установление или построение различных последовательностей: распределение по объему, распределение по времени, упорядочение в пространстве и т.д.;

- ассоциация – установление связей по сходству, смежности или противоположности и т.д.;

- повторение – выделение сознательно контролируемых или неконтролируемых процессов циркуляции информации в качестве отдельного способа запоминания, учитывая его универсальность и фундаментальность.

В заключение назовем еще одну группу операций: суждение, рассуждение и умозаключение. В своей совокупности они характеризуют способность ума не только порождать отдельные мысли, но и связывать их друг с другом на понятийном уровне.

Суждение, как мы уже отмечали, является одной из основных интеллектуальных операций (здесь мы говорим только о психологической стороне суждения). В суждении устанавливается связь между понятиями. Будучи выраженным в словах, оно называется предложением. Как правило, в суждении что-то утверждается или отрицается. Заключающееся в суждении положение может быть объективно истинно или не истинно в зависимости от того, правильно или нет оно отражает свой объект. В субъективном плане суждение также обладает различной степенью достоверности. Суждение

правдиво или ложно в зависимости от того, адекватно или неадекватно оно выражает убеждения субъекта.

Таким образом, суждение может выражать искренние убеждения субъекта, но быть объективно ошибочным, оно может быть субъективно неправдивым, но объективно истинным. Между субъективным и объективным планами суждения нет тождества. Вместе с тем «всякое суждение притязает на истинность. Но ни одно суждение не является само по себе безусловной истиной. Поэтому возникает необходимость в критике и проверке, в работе мышления над суждением. *Рассуждение* – это и есть работа мысли над суждением, направленная на установление и проверку его истинности... Основными видами рассуждения являются *обоснование* и *умозаключение*. И в том и в другом случае суждение извлекается из изолированности, в которой не может быть установлена его истинность, и включается в систему суждений, т.е. в систему знания. Рассуждение является *обоснованием*, когда, исходя из суждения, оно вскрывает посылки, которые обусловливают его истинность и таким образом

обосновывают его. Рассуждение принимает форму *умозаключения*, когда, исходя из посылок, оно раскрывает ту систему суждений, которая из них следует» [51, с. 324].

В *умозаключении* из двух или более суждений при необходимости выводится *новое* суждение. В процессе умозаключения получается новое знание. Это новое знание, как отмечал Рубинштейн, «и дано, и не дано в посылках... Если бы заключение было дано в посылках, оно было бы бесполезно; если бы оно в нем не было дано, оно было бы невозможно» [51, с. 325]. Новое знание содержится в предмете мышления, в объективно существующих связях и отношениях. Сами суждения, выступающие посылками умозаключения, в процессе мышления интеллектуализируются в направлении решаемой задачи, приобретают функциональное значение. В этом заключается сущность получения нового знания, логика же умозаключения только оформляет этот процесс.

По своему характеру любая мысль порождается субъектом жизнедеятельности, следовательно, каждая мысль несет в себе не только качества объектов внешнего мира, но и каче-

ства ее создателя. Поэтому каждая мысль *личностна*. В своем единстве, субстанциональной целостности мысли и составляют часть содержания *личного сознания*. Мысли отдельных людей относительно одного и того же объекта не тождественны (мы не беремся сейчас обсуждать вопрос о значительности этих различий). По этому поводу еще У. Джемс писал: «Худшее, что может сделать психология – это начать истолковывать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной *ценности*» [23, с. 114]. При этом под личным сознанием У. Джемс понимал «связные последовательности мыслей, сознаваемые как таковые» [23, с. 114].

Связность мыслей сознания, их целостность отражает связность вещей внешнего мира в их целостности. В этой связности заключается наше понимание внешнего мира, так как отдельные мысли всегда носили при их порождении функциональный характер. В нарушении этой целостности и заключается проблема непонимания – одна из центральных проблем педагогической психологии. Проистекает же она от того, что содержание учебников отражает мысли создателей, а мы

уже отметили, что личностные сознания не тождественны. Когда мы говорим о порождении мысли, связанной с предметом, мы отмечаем, что эта мысль связана с личным сознанием, с субъектом, порождающим мысль. Но это только одна сторона, другая связана с ситуацией, в которой находится предмет, с которым связана мысль. В свете этого становятся понятными перемены во взгляде на один и тот же предмет в разные периоды нашей жизни и в различных жизненных ситуациях.

В заключение отметим, что ум постоянно осмысливает (рождает новые мысли) ситуации, в которых находится объект. В своем течении это поток мыслей, который, следуя за Джемсом, мы будем называть «поток сознания», отражает мир внутренней жизни человека. Отметим еще раз, что способность *порождать* мысли и *устанавливать отношения* внутри потока сознания характеризует интеллект человека.

Глава 5

Мысль, мышление и сознание*

Через раскрытие структуры мысли и содержания психики показывается, что сознание выступает как функциональная часть, актуализируемая субъектом в целях организации текущей жизнедеятельности. Мышление с его операциями рассматривается как механизм работы с содержанием сознания. Доказывается, что рефлексия включена в мыслительный процесс и нет основания рассматривать ее отдельно от мышления. Показывается, что все познавательные процессы можно разделить на две категории: обеспечивающие психическую деятельность содержанием и выступающие как механизм работы с этим содержанием. Рассматривается связь мышления и ума и на этой основе дается содержательное психологическое толкование операций суждения, умозаключения, рассуждения.

Как писал У. Джемс, «элементарным психическим фактом служит не мысль вообще, не «эта или та мысль», но «моя мысль», вообще

* Данное научное исследование № 13-09-0111 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг.

«мысль, принадлежащая кому-нибудь...» Худшее, что может сделать психолог – это начать истолковывать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной ценности» [23, с. 114].

В приведенной цитате содержится два важных для нас положения:

- во-первых, психолог должен заниматься не сознанием вообще, а *личным* сознанием или сознанием, принадлежащим конкретному человеку;

- во-вторых, нельзя истолковать природу личностных сознаний вне личностных мыслей.

Изучению феномена сознания в психологии, философии, социологии, экономике посвящено множество работ. В последнее время в России вышли две фундаментальные монографии В.П. Зинченко [29] и А.В. Карпова [35], в которых всесторонне рассмотрена история и настоящее состояние данной проблемы. Это освобождает нас от детального анализа проблемы сознания как таковой.

В целях нашего исследования отметим, что сознание тесно связано с мышлением, сознание определяют как способность человека

идеально воспроизводить действительность в мышлении [14, с. 1121].

Сознание тесно связано с содержанием психики, но не тождественно ему. Как было показано нами ранее, мышление входит в состав всех психических функций. Умные восприятие, представление и воображение во многом определяют содержание сознания, но не все содержание этих процессов становится достоянием сознания.

Выступая как одна из способностей человека сознание, по нашему определению способностей [71], должно иметь свой материальный субстрат, выступающий механизмом сознания, и включать систему ментальных операций, позволяющих реализовывать сознанию свою функцию. И главное, что хотелось бы подчеркнуть еще раз, сознание тесно связано с мыслью.

Мы согласны с А.В. Карповым, который пишет, что «проблему сознания неконструктивно решать, так сказать, “прямо и непосредственно” – предпринимать лобовую атаку на нее. Гораздо более конструктивно делать это, на наш взгляд, опосредованно – через предварительное раскрытие целого ряда иных

структур, процессов, образований и других явлений психики, а также интерпретацию их собственных закономерностей и механизмов как парциальных закономерностей и механизмов самого сознания» [35, с. 11–12].

В нашем случае такой парциальной проблемой является взаимосвязь сознания и мысли. Раскрытие этой взаимосвязи позволит, как мы надеемся, продвинуться в понимании сущности сознания, его качественной определенности (системы качеств, характеризующих сознание), содержания сознания, соотношения содержания сознания и содержания психики в целом, проблемы механизмов сознания и осознания и связанного с этим механизма рефлексии, проблемы возникновения и развития сознания. Тесно к проблеме сознания примыкает и проблема знания. Как пишет Карпов, «любое знание возможно лишь в его рефлексивном “обрамлении”. Поэтому и одному из жгучих вопросов: что есть знание? – во многом тождественен вопрос: что есть сознание?. Сознание – это форма и условие существования любого знания, в том числе и научного, в особенности – психологического» [35, с. 5].

Для ответа на поставленные проблемы обратимся к вопросу: для чего необходима психика? Психика необходима для обеспечения выживания биологического существа, и человека в том числе, и для продолжения вида путем воспроизводства.

Психика позволяет человеку выживать в изменяющемся мире за счет познания биологически ценных свойств-предметов внешнего мира, построения адаптивного поведения с учетом полезных качеств окружающей среды и угроз жизни.

Современные исследования показывают, что такое поведение может быть построено уже в животном мире без привлечения сознания [59]. Поведение строится по схеме: на основе актуальной потребности формируется мотивационное состояние на базе как нервных, так и гуморальных механизмов. Для естественного формирования мотивационного возбуждения необходимо, чтобы соответствующие центры головного мозга получили раздражение вначале нервным, а затем гуморальным путем. Однако в формировании различных мотивационных возбуждений относительное значение нервных и гумо-

ральных факторов различно. Специфическое мотивационное возбуждение, определяемое внутренней потребностью организма, действуя на корковые клетки, создает у них особую «химическую» настроенность. В свою очередь, эта настроенность клеток определяет их реакцию на поступающую информацию, благодаря чему осуществляется фильтрация сенсорных сигналов.

От мотивационного возбуждения зависят активное использование и подбор специальных раздражителей внешнего мира, сигнализирующих об объектах, способных удовлетворить исходную потребность организма. Предмет, удовлетворяющий потребность, «жестко не записан», имеются признаки, по которым осуществляется поиск предметов, содержащих эти признаки. Благодаря этому потребность может удовлетворяться за счет разных предметов. Конкретизация предмета, способного удовлетворить актуальную потребность, и будет составлять сущность процесса опредмечивания потребности.

Поведение строится без осознания признаков вещей, необходимых для удовлетворения актуальной потребности. Но это поведение

осмысливается, если считать за мысль связь вещи и ее свойства.

Когда же появляется потребность в осознании своего поведения? Один из возможных вариантов объяснения связан с необходимостью передачи индивидуальных сведений от одного субъекта другому, а для этого необходимо осознание сведений индивидуального сознания. И здесь мы подошли к проблеме индивидуального сознания. Что это такое?

Исходя из авторского понимания мысли, содержание психики прежде всего состоит из предметных мыслей. Эти мысли имеют личностный смысл. В качестве таковых мысли могут осознаваться или не осознаваться. Рассмотрим каждый из этих отдельных вариантов. Эксперименты с электрическим раздражением мозга показали, что в памяти человека хранятся фреймы отдельных эпизодов из его жизни. Как отмечает Х. Дельгадо, в памяти хранится все, что человек воспринимал. Но далеко не все, что он воспринимал, человек осознает. Об этом же говорят исследования восприятия и памяти. Осознается только то, что связано с деятельностью, выполняемой человеком, с реализацией его мотивов и целей. Существует

не только произвольное, но и непроизвольное запоминание (П.И. Зинченко). Интимные механизмы творческого мышления по большей части не осознаются, осознается лишь результат. Построение движения осознается только на высших уровнях регулирования (уровни D и C, по Н.А. Бернштейну [9]).

Таким образом, мы видим, что *содержание психики больше содержания сознания*. В сознании представлена только часть психики, актуальная для разрешения задач, стоящих перед субъектом. В возможностях извлечения новых мыслей из содержания психики заключается одна из причин продуктивности мышления. Будучи частью психики, сознание реализуется теми же психическими процессами, что и психика.

В начале главы мы отметили, что сознание рассматривается как *способность* человека идеально воспроизводить действительность в мышлении. В нашем подходе [71] способности связаны с психическими функциями, реализуемыми определенными функциональными системами.

Такое понимание способностей позволяет указать место способностей в структуре психики. Как правило, при определении пси-

хики рассматриваются три ее аспекта: свойства высокоорганизованной материи мозга отражать объективный мир, субъективный образ объективного мира и переживания. Сравнивая определения психики и способностей, мы видим, что именно способности реализуют функцию отражения и преобразования действительности в практической и идеальной формах. Способности – одно из базовых качеств психики, включающей наряду с содержательной стороной знания об объективном мире переживания. Способности конкретизируют общее свойство мозга отражать объективный мир, относя его к отдельным психическим функциям. Одновременно способности характеризуют индивидуальную меру выраженности этого свойства, отнесенного к конкретной психической функции.

Таким образом, способности находят свое место в структуре психики, конкретизируя общее понятие психики как свойства мозга отражать объективный мир, дифференцируя это свойство на конкретные психические функции, внося в него меру индивидуальной выраженности, придавая ему деятельностный характер, ибо мера индивидуальной

выраженности способности проявляется в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации отдельных психических функций. Способности имеют сложную структуру, отражающую системную организацию мозга, межфункциональные связи и деятельностный характер психических функций.

Сознание как способность будет реализовываться интегрированной, целостной структурой мозга, участвуя в реализации парциальных способностей, связанных с отдельными психическими функциями. Содержанием сознания частично будет интегрированное содержание отдельных психических функций.

Определение способностей как свойств функциональных систем, реализующих отдельные психические функции, позволяет предположить, что о способностях мы можем говорить не только в случае когнитивных способностей, но и в других, когда психическая функция реализуется функциональной системой. Таким образом, мы можем утверждать, что существуют способности желать, хотеть, переживать. Это согласуется с нашим

пониманием мыслей как субстанции, включающей три компонента: содержание, потребности (мотивы) и переживания. Следовательно, сознание будет выступать также как живое знание, как потребностно-эмоционально-содержательная субстанция. *Характеризуя сознание через мысли, мы наделяем сознание определенной структурой.*

Но в содержании сознания входят не только предметные мысли, получаемые на основе чувственного восприятия. Значительную часть информации мы получаем в виде знаний, прежде всего через книги. Но и в этом случае понимание знаний возможно только путем включения его во внутренний чувственный мир человека. Это хорошо осознали ведущие педагоги мира, когда сформулировали принцип наглядности. В соответствии с этим принципом в систему обучения таким достаточно абстрактным теоретическим предметам, как физика, химия, был введен учебный эксперимент, который позволял бы демонстрировать наглядно отдельные теоретические положения, придавая процессу обучения чувственную основу. На это же направлена демонстрация различных гербариев, муляжей, рисунков и графических (образных) моделей.

Наряду с содержательной стороной, в структуру сознания будут входить и познавательные *действия*, с помощью которых это содержание получается и присваивается субъектом. Будем помнить, что мы говорим о личном сознании, сознании конкретного человека.

Важнейшим фактором, позволяющим понять и объяснить личное сознание, является вовлеченность психики в поведение, обеспечивающее выживание человека, в повседневную деятельность. Деятельность всегда побуждается определенным мотивом. Мотив предполагает наличие конкретного предмета, способного удовлетворить актуальную потребность. Деятельность всегда направляется определенной целью, а это, в свою очередь, предполагает осознание цели, осознанного принятия решения, осознанного регулирования действий и движений, осознание результата и его отношений с целью.

Таким образом, *деятельность предполагает ее осознание* во всех компонентах, начиная с осознания потребности вначале в форме хотения, а затем – желания.

Деятельность позволяет осознать *значение* отдельных мыслей для деятельности и поведения, а также информационную основу,

обеспечивающую организацию деятельности в соответствии с осознанной и принятой целью. Через деятельность отдельные мысли и их совокупность (целостность) приобретают личностный смысл, осознаются как личностные ценности. Субъект осознает не только цель деятельности, но и то, для чего нужна та или иная деятельность [58, с. 38]. Через осознание деятельности и ее ценности у субъекта формируется представление о *ценности субъективной жизни*.

Так как осознание отдельных компонентов деятельности осуществляется через осознание мысли, а нами было показано, что существует индивидуальное различие в порождении мысли, то можно предположить, что осознание отдельных компонентов деятельности будет различным как у одного и того же субъекта, так и у разных субъектов деятельности.

Определенную ясность в понимание сознания вносят теоретические разработки Л.М. Веккера, который показал, что «механизм любого психического процесса, *в принципе*, описывается в той же системе физиологических понятий и на том же общепсихологи-

ческом языке, что и механизм любого физического акта жизнедеятельности. Однако, в отличие от всякого другого, собственно физиологического акта., конечные, итоговые характеристики любого психического процесса в общем случае могут быть описаны только в терминах свойств и отношений внешних объектов, физическое существование которых с органом этого психического процесса совершенно не связано и которые составляют его содержание» [16, с. 11].

Таким образом, процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены *к разным предметам*: первая – к органу, вторая – к объекту.

«Это парадоксальное воплощение свойств внешнего объекта в состояниях другого объекта – органа психического акта, или, наоборот, «перевоплощение» собственного «нутра» носителя психики в свойства другого, внешнего по отношению к нему физического тела составляет подлинную исконную специфичность психического процесса» [16, с. 1164]. Уникальность и таинственность отмеченного свойства проекции определя-

ются тем, что здесь в одном объекте-органе воспроизводится *место*, занимаемое другим объектом. Конечные характеристики психического акта всегда отнесены к характеристикам *внешнего* объекта, в этом заключается сущность *предметности* психического процесса.

Данным свойством психического процесса обусловлены и другие его характеристики. Во-первых, итоговые параметры психического процесса не могут быть сформулированы на физиологическом языке тех явлений и величин, которые открываются наблюдателю в органе-носителе. Во-вторых, психические процессы недоступны прямому чувственному наблюдению, своему носителю-субъекту психический процесс открывает свойства объекта, оставляя скрытыми изменения в субстрате, являющемся механизмом этого процесса.

«Человек *не воспринимает* своих восприятий, но ему *непосредственно* открывается предметная картина их объектов. Внешнему же наблюдателю не открываются ни предметная картина восприятий и мыслей Другого человека, ни их собственно психическая «ткань»

или «материал». Непосредственному наблюдателю со стороны доступны именно и только процессы в органе, составляющие механизм психического акта» [16. с. 15]. Именно в этом процессе восприятия, где субъекту непосредственно открывается предметная картина их объектов, и заключается природный механизм сознания.

В-третьих, специфической характеристикой психических процессов является их *свободная* активность. «Эта активность не является однозначной равнодействующей физиологических и физических сил, в ней нет жестко предзаданной и фиксированной во всех ее конкретных реализациях и деталях программы, и субъект может действовать “на все лады”» (И. М. Сеченов) [16. с. 16].

Именно в отмеченной Веккером парадоксальности психического акта и заключается механизм сознания. В процессах восприятия внешний мир раскрывается субъекту в своих свойствах и отношениях, фиксируемых в отдельных мыслях, которые, будучи отнесенными к внешнему, предметному миру (или к самому субъекту), и выступают как содержание сознания. В отмеченной природе

психического акта заключается механизм содержания сознания. Именно отнесенность к внешнему миру (или к самому себе) является *атрибутивной** характеристикой сознания. В этом случае становится понятной характеристика сознания как способности субъекта.

Парадоксальным является положение, сложившееся в психологии: проблема сознания рассматривается в отрыве от предметности восприятия мышления и, как следствие, в отрыве от предметных мыслей.

Говоря об осознании своей деятельности, важно выяснить, в каких психических процессах происходит это осознание. И здесь мы подходим к таким понятиям, как рефлексия и рефлексивность. В свою очередь, рассматривая рефлексивность, мы встаем перед проблемой отношений рефлексии и мышления. Остановимся кратко на этих вопросах.

Рефлексия (от лат. *reflexes* – обращение назад) – термин, означающий отражение, а также исследование познавательного акта. В различных философских системах термин

* Атрибут – сущностный признак, свойство чего-либо.

«рефлексия» имел и имеет различное содержание. «Локк считал рефлексию источником особого знания, когда наблюдение *направляется* на внутреннее действие сознания, тогда как ощущение имеет своим предметом внешние вещи. Для Лейбница рефлексия не что иное, как *внимание* к тому, что в нас происходит. По Юнгу, идеи – это рефлексия *над впечатлениями*, получаемыми извне» [65, с. 410]. Н. Зубовский [30] рефлексию описывал как способности, приобретающие материал для познания, обозначаемые как «чувство внутреннего».

При всех различиях общим в понимании рефлексии является то, что она характеризует *направленность* на внутренний мир в различных его качествах и проявлениях. Это могут быть и эмоциональные состояния, и переживания, и явления совести, и *действия* сознания.

Важно подчеркнуть, что рефлексия характеризуется теми же способностями, что и способности познания объективного мира, но они приобретают специфические черты, определяемые предметом познания, т. е. субъектом самопознания. *Рефлексивность* тогда рассматривается как качество личности, характе-

ризирующее направленность познания на себя, имеющую меру выраженности.

Для дальнейшего анализа рефлексии и рефлексивности уместно обратиться к работам С. Л. Рубинштейна 1940-х годов. Исследуя психологическую природу мыслительных процессов, он писал: «Всякий мыслительный процесс является по своему внутреннему строению действием или актом деятельности, направленным на разрешение определенной *задачи*. Задача эта включает в себе *цель* для мыслительной деятельности индивида, соотносенную с *условиями*, которыми она задана» [51, с. 317].

Анализируя процесс мышления, Рубинштейн выделяет следующие моменты:

- Нельзя анализировать мышление в отрыве от мыслящего субъекта. «Мыслит не „чистая“ мысль, а живой человек». В мыслительный процесс вовлечена личность.

- Всякий мыслительный процесс является по своему внутреннему строению действием или актом действия, направленным на разрешение определенной задачи. В структуре этого действия Рубинштейн выделял: *потребности* и *поступки* человека, *цель* (заключенную в задаче), *условия* (которыми задается задача).

- «Весь мыслительный процесс в целом представляется сознательно регулируемой *операцией*», точнее было бы сказать – операциями, так как мыслительный процесс определяется системой интеллектуальных операций (Шадриков В.Д.).

- Сознательность мыслительного процесса обеспечивается проверкой, критикой и контролем. «Осознание стоящей перед мышлением задачи (точнее было бы сказать: стоящей перед субъектом задачи, которая разрешается в мыслительном процессе. – *Прим. В.Ш.*) определяет все течение мыслительного процесса. Он совершается как система сознательно регулируемых интеллектуальных операций. Мышление соотносит, сопоставляет каждую *мысль*, возникающую в процессе мышления, с задачей, на разрешение которой направлен мыслительный процесс и ее условия» [51, с. 318].

Необходимо подчеркнуть, что в мышлении в первую очередь *порождаются мысли*, с которыми далее работает субъект, опять же в процессах мышления. Мышление работает с мыслями.

Изучая процесс мышления и разрешения проблемы, С.Л. Рубинштейн писал: «Поставленная проблема во всем многообразии своих объективных свойств и принципов включается во все новые связи и в силу этого выступает во всех новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы «вычерпывается» все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выявляются все новые свойства» [50, с. 98].

Каждый поворот предмета и вычерпывание соответствующего содержания есть новая мысль. Именно состав этих мыслей и характеризует *содержание* предмета. В этих процессах порождается содержание психики. Несомненно, что содержание психики обогащается и за счет усвоения понятий, но сами понятия усваиваются продуктивно, когда они связаны с чувственными данными.

Обеспечивая содержательную основу действию или поступку, мышление работает с содержанием психики, которое может как осознаваться, так и не осознаваться. Работа с содержанием осуществляется с помощью

интеллектуальных операций. И этот процесс мышления характеризуется, по Рубинштейну, мотивами, целями, процессами программирования и принятия решений (работой с различными схемами), проверкой и контролем.

Можно с уверенностью утверждать, что мышление как деятельность реализуется функциональной психологической системой деятельности (по В.Д. Шадрикову).

«Сознательность мысли, – отмечал С.Л. Рубинштейн, – проявляется в своеобразной ее привилегии: только в мыслительном процессе возможна ошибка; только мыслящий человек может ошибаться» [51, с. 318]. Благодаря рефлексии эта ошибка осознается и в деятельность вносятся коррективы, с учетом которых мыслительная задача в конечном счете разрешается или субъект отказывается от решения задачи, признавая ее неразрешимой для себя в настоящее время.

Приведенный выше анализ психологической природы мыслительного процесса показывает, что мышление включает осознание мыслительного процесса в операциях выбора интеллектуальных действий, соотносенных с условием задачи, а также в действиях про-

верки и контроля. Иными словами, мыслительный процесс включает и рефлекссию самого себя. *Убрав из мыслительного процесса рефлекссию, мы разрушим мыслительный процесс*, так что вряд ли есть основания рассматривать рефлекссию как самостоятельный процесс в отрыве от процесса мышления.

Мышление не осмысливает само себя (это не мышление о мышлении), мышление выступает как мыслительная функция мыслящего субъекта, разрешающего значимую для него задачу (проблему). Субъект, *организуя* свою мыслительную деятельность, *осознает* (рефлексирует) ход решения задачи, руководствуясь представлением о результате. Но так как задача разрешается мышлением (процессом мышления), то он *осознает ход мысли*, связанной с решением задачи. Как отмечал В.О. Ключевский, сознание есть умение пользоваться знанием.

Организации хода своих мыслей и контролю за ними в соответствии с условиями задачи можно *научиться*. Это прекрасно иллюстрируют занятия математикой – этому учат на уроках математики. Обобщенное умение отслеживать свои действия (умственные

и практические) и анализировать их правильность переходят в качество личности. Таким образом, если ранее мы констатировали, что нельзя рефлекссию вырвать из целостного мыслительного процесса, то теперь можно утверждать, что может существовать такое качество личности (благоприобретенное), как *рефлексивность*.

Рефлексивность как качество личности будет способствовать успешному выполнению любой деятельности, направляя мыслительный процесс, организуя его и управляя им. Личность через свое качество рефлексивности будет управлять решением задачи, течением своих мыслей.

Рефлексия осуществляется теми же психическими процессами, что и познание внешнего мира, но *обращены* эти процессы на самого себя. Все дело в этой обращенности. Вопрос заключается в том, что лежит в основе этой обращенности, каков ее механизм. Является ли эта обращенность механизмом обратной связи или это специфический механизм?

Так же, как познание и знание осуществляются на основе взаимодействия субъекта с объектом (предметом) познания, так и позна-

ние себя должно осуществляться на основе взаимодействия человека с самим собой. Но тогда позволительно и необходимо поставить вопрос: в чем же тогда должно заключаться это взаимодействие? Как и любое взаимодействие, процесс познания себя должен иметь мотив, который задает вектор познания: я *хочу узнать* свои способности, свои личностные качества, мотивацию своих поступков, цель, способы познания, программу и т.д.

Я могу это сделать с помощью определенных тестов. Но что в данном случае будут представлять собой эти тесты? Они должны будут представлять собой стандартизированные виды деятельности, которые, по предположению их создателей, позволяют на основе результатов выполнения тестов сделать заключение о своих сущностных качествах, которые я стремлюсь узнать. Таким образом, речь идет о познании некоторых сущностей, которые *непосредственно* не наблюдаются. Они не наблюдаются как внешним наблюдателем, так и самим субъектом. Значит, и внешний наблюдатель, который хочет познать меня (как предмет познания), и я сам, который хочет познать себя (как предмет само-

познания), находимся в одинаковой ситуации. И значит, чтобы познать себя, я должен обратиться к результатам своей деятельности и поведения. Таким образом, *субъект в целях познания себя включает себя в деятельность*, в которой предположительно должны проявиться определенные качества, *и по результатам этой деятельности (поведения) делает заключение о своих качествах*. Следовательно, в акте рефлексии присутствуют два момента:

1) целенаправленное включение себя в деятельность;

2) анализ результатов с позиции их обусловленности своими сущностными качествами.

Целенаправленное включение, в свою очередь, предполагает:

- мотивацию познания себя;
- знание о сущностных качествах, которые определяют поведение;
- знания о видах жизнедеятельностных актов, в которых могут проявиться познаваемые сущностные качества самого себя.

Итак, мы видим, что механизм обратной связи является составной частью механизма рефлексии. Детерминантой самопознания является мотивация самопознания. Весь про-

цесс самопознания пронизан процессами принятия решений на основе определенных знаний, определяющих результаты жизнедеятельности.

Проведенный анализ показывает необходимость различать рефлекссию и рефлексивность. Рефлексия как процесс познания себя и рефлексивность как качество личности не являются идентичными понятиями. Рефлексивность – качество личности, определяющее рефлекссию как процесс. При этом в рефлексии как познании себя следует выделять личностную и деятельностьную виды рефлексий. Личностная рефлексия направлена на познание себя в своих сущностных качествах как субъекта социального поведения, деятельностьная рефлексия направлена на отражение своей психической деятельности, реализующей цели предметно-практической и теоретической деятельности. Несомненно, что эти две формы рефлексии взаимосвязаны в реальной жизнедеятельности человека.

Изучение рефлексии и рефлексивности – это две самостоятельные задачи, требующие своей методологии и теоретического понимания. В совокупности с субъектностью, субъективностью и индивидуальностью эти

категории позволяют осмыслить важнейшие детерминанты трудового поведения, его направленность и эффективность.

Познание себя осуществляется теми же психологическими процессами, что и познание внешнего мира, но предмет познания существенно отличается и способности, реализующие это познание, будут приобретать оперативную специфику (по Д.А. Ошанину).

Рефлексивность определяется *направленностью* процессов познания на себя в действиях, поступках, созерцании.

Критериальные оценки этой направленности связаны:

- наличием критериев правильности действий;
- наличием критериев правильности поступка;
- оценкой познавательных способностей (интеллекта);
- показателями направленности на самооценку.

Показатель рефлексивности как качество человека определяет, насколько он *способен* отражать предмет рефлексии. С учетом многообразия предмета рефлексии можно предположить, что рефлексивность характеризу-

ется парциальностью и полиметричностью. Ее качественная и количественная характеристики будут определяться предметом рефлексии.

Для различных видов деятельности и разных возрастов она различается субъектными качествами [69; 70]. Парциальность рефлексивности заключается в том, что у одного и того же субъекта деятельности рефлексивность имеет различную меру выраженности по отношению к различным видам деятельности (поступкам) и действиям, конструктам деятельности.

В свою очередь, качества, через которые реализуется рефлексивность, будут не тождественными для различных видов рефлексии. Поэтому выделенные в модели качества рефлексивности можно рассматривать как базовые, свойственные для различных видов рефлексии. Модель рефлексивности представлена на рис. 3.

В отличие от рефлексивности как качества личности, рефлексия как процесс различается прежде всего по предмету. Рефлексия субъекта жизнедеятельности может быть

направлена на внешний или внутренний мир. При этом направленность на внешний мир не исключает направленности на внутренний.

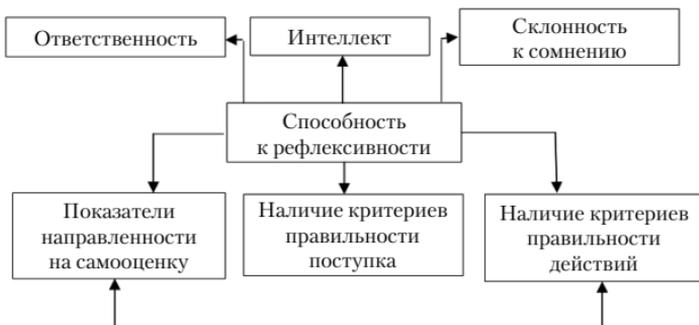

Рис. 3. Модель рефлексивности индивида, субъекта деятельности и личности

Рефлексия внутреннего мира разделяется на душевную и духовную. В духовной рефлексии можно выделить светскую и религиозную духовность. Рефлексия внешняя дает ответ на вопросы, *что, как и когда* делает субъект жизнедеятельности. Следующий уровень рефлексии призван ответить на вопрос, *почему* субъект делает так, а не иначе. Рефлексия может касаться себя (поступков, состояний) или своих отношений.

Сказанное выше представлено на рис. 4.

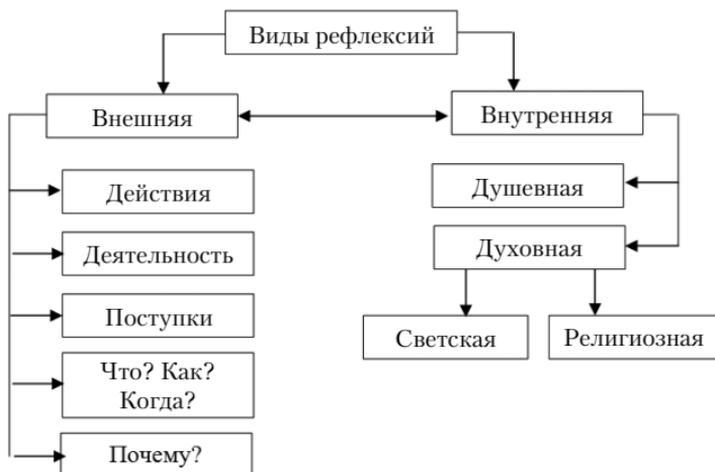

Рис. 4. Виды рефлексии (предмет рефлексии)

Отметим, что, рассматривая рефлекссию как важное условие формирования всех компонентов психологической системы деятельности, мы можем предположить, что конкретные работники будут в разной мере отражать различные составляющие системы деятельности, рефлексивность субъекта деятельности будет проявляться по-разному по отношению к различным блокам системы деятельности. Для изучения данного вопроса в нашей лаборатории была разработана спе-

циальная методика, которая подтвердила это предположение.

Проведенная аналитическая работа позволяет систематизировать и классифицировать рассматриваемые в психологии познавательные процессы и определить их место в структуре психической деятельности.

Как было показано, познавательные функции восприятия, представления, воображения и сознания *работают* с определенным содержанием (мыслями), которые являются результатом опредмечивания потребностей и переживаний во внешнем мире или содержанием психики (мыслями), которые в своей совокупности представляют внутренний мир человека. *Восприятие, представление, воображение и сознание обеспечивают психическую деятельность содержанием, отражающим внешний предметный мир и внутренний мир человека.*

Здесь уместны вопросы: куда делось мышление и какое место оно занимает в системе познавательных процессов? Мышление представляет собой психический механизм, участвующий в получении функционально значимого содержания психической деятель-

ности, и *механизм работы с содержанием психики* при решении задач, стоящих перед субъектом жизнедеятельности. Участвуя в реализации психических функций, мышление вплетено в познавательные процессы. Когда же имеем дело с *сознанием*, то и здесь мышление реализует задачи, стоящие перед субъектом, работая с содержанием сознания. *Мышление выступает как механизм работы с содержанием сознания.*

Таким образом, все познавательные процессы можно разделить на два вида:

- 1) обеспечивающие психическую деятельность содержанием;
- 2) выступающие как механизм работы с этим содержанием.

К первой категории относятся восприятие, представление, воображение и сознание, ко второй категории – внимание и мышление. Внимание обеспечивает энергетическую сторону познавательных процессов, мышление – переработку содержания психики в соответствии с задачами, которые решает субъект.

Данная классификация не является тривиальной, так как в ней впервые определяется место мышления в структуре познавательных процессов.

С учетом того, что мысль представляет собой субстанцию в единстве содержательных, мотивационных и эмоциональных компонентов, мышление, работая с мыслями, охватывает своими механизмами все три составляющие мысли.

Развиваемый в данной работе подход к мышлению позволяет высказать определенную точку зрения на то, *что же представляет собой ум*. В работах по философии ум часто определяется как способность мышления по решению различных задач. Мы согласны с данной точкой зрения, и тогда *ум можно рассматривать как способность мышления работать с содержанием сознания*. В этом случае ум и мышление будут выступать как тождественные понятия. Механизм мышления, заключающийся в использовании интеллектуальных операций, будет одновременно и *механизмом ума*.

Как известно, основными операциями мышления являются анализ, синтез, обобщение, сравнение и абстракция.

Мышление всегда функционирует в составе суждения и умозаключения. «Суждение является одной из основных форм, в кото-

рых протекает мыслительный процесс» [49]. В суждении устанавливается связь между отдельными мыслями, отнесенными к предмету. «Предметная отнесенность его содержания, – пишет Рубинштейн, – характеризует суждение как мыслительный акт» [49, с. 323]. С учетом того, что под мыслью мы понимаем связь свойства предмета с предметом, можно сказать, что суждение является первичной формой мышления, в котором порождается мысль. В суждении содержится связь между предметом и его свойством.

Суждение есть одно из проявлений мышления, связанное с порождением мыслей. Мысль, высказанная в суждении, может не только *утверждать* наличие какого-либо свойства у предмета, но и отрицать. В суждении часто проявляется позиция, которую занимает мыслящий субъект по отношению к другому лицу, к мыслям другого человека. Этот *социальный аспект* суждения обуславливает сложность суждения. Например, в концепции личности недостаточно раскрыта связь с внутренним миром человека, определение способностей, которое мы находим в справочной литературе и работах психологов, не позволяет выде-

лить их из других психологических категорий, в современных концепциях мышления недостаточно раскрывается связь мышления с мыслью и т.д.

Мысли, высказываемые в суждениях, могут объективно не быть истиной. В этом проявляется свобода мышления. Истинность суждения зависит от того, насколько субъект, высказывающий суждение, адекватно отражает предмет суждения. Как пишет Рубинштейн, «суждение может выражать истинное убеждение субъекта, но быть адекватно ошибочным, оно может быть высказано без убеждения и даже вопреки ему и, значит, быть неправдивым, будучи истинным. Всякое суждение, имеющее место в мышлении какого-нибудь субъекта, входит в оба плана» [49, с. 323–324].

В силу того, что суждение может быть истинным или ложным, возникает необходимость в критике и проверке суждения на предмет истинности. Эта проверка осуществляется в операции мышления – *рассуждении*.

Суждение и умозаключение рассматриваются как основные категории познания и в логике. Полезно различать функциональное назначение этих понятий в психологии и логике.

Отношения между психологией и логикой наиболее доступно и точно выразил Г.И. Челпанов [67]. Цель познания заключается в постижении истины. Эта истина познается в процессе мышления. Психология изучает *процесс* мышления, как и в каких интеллектуальных операциях эта истина постигается. Логика исследует, каким законам должно подчиняться мышление, чтобы оно могло привести к истине.

«Многим может показаться, – пишет Челпанов, – что логика может указать средства для *открытия* истины в различных областях знания. Но в действительности это не так. Логика не ставит своей целью *открытие* истины, а имеет своей целью *доказательство уже* открытых истин. Логика указывает правила, при помощи которых могут быть открыты ошибки. Вследствие этого, благодаря логике, можно избежать ошибок... Ее задача заключается в том, чтобы предостеречь от возможных ошибок» [67, с. 5]. Таким образом, интеллектуальные операции в психологии выступают средством познания истины, правила логики позволяют избежать ошибок при оперировании данными, полу-

ченными с помощью интеллектуальных операций.

Следует отметить, что в самой логике существуют два направления: формальное и материальное. Какое-либо положение считается материально истинным, если оно соответствует действительности. Формально истинным считается заключение, когда оно выводится с достоверностью из тех или иных положений, т.е. когда верен *способ соединения мыслей*, само же заключение может совсем не соответствовать действительности.

Для пояснения различий между формальной и материальной истинностью возьмем пример из учебника логики Г.И. Челпанова:

«Нам даны два положения:

Все вулканы суть горы.

Все гейзеры суть вулканы».

Из этих двух положений аподиктически следует, что «все гейзеры суть горы». Это заключение формально истинно, потому что оно с необходимостью следует из двух данных положений, но материально оно ложно, потому что не соответствует действительности; гейзеры не суть горы. Таким образом, умозаключение, истинное формально, может

быть ложным материально. Но возьмем следующий пример:

«Все богачи тщеславны.

Некоторые люди не суть богачи».

Следовательно, некоторые люди не суть тщеславны. Это заключение истинно *материально*, потому что действительно «некоторые люди не суть тщеславны», но оно формально ложно, потому что не вытекает из данного положения. В самом деле, если бы было сказано, что *только* богачи тщеславны, тогда о всяком не-богаче мы сказали бы, что он не тщеславен. Но у нас в первом положении утверждается: «все богачи тщеславны». Этим не исключается, что и другие люди могут быть тщеславными. В таком случае можно быть небогатым и в то же время быть тщеславным; из того, что кто-нибудь не есть богач, не следует, что он не может быть тщеславным. Из этого ясно, что указанное заключение с необходимостью не вытекает из данных положений [67, с. 9].

Таким образом, применяя законы логики для *доказательства* истинности того или иного заключения, мы должны всегда пом-

нить об истинности посылок, которые часто выступают как непосредственное знание, полученное посредством интеллектуальных психологических операций.

Личное сознание – это жизнь человека, представленная ему в идеальной форме или в содержании его психики. Личное сознание – это актуальная часть содержания моей психики. Актуальная – значит, важная для меня по различным причинам в данный момент, переходящая из потенциальной формы в активную.

Если бы все содержание психики осознавалось в каждый момент времени, то, как показал еще У.Р. Эшби (1903–1972), время адаптации было бы безмерным. Что же касается построения целенаправленного поведения, то его теоретически нельзя было бы организовать. Именно требования необходимости и достаточности информации для построения адаптивного поведения привели в эволюции к уровневому строению психики. И только ведущий, необходимый для деятельности или поведения уровень психики становится актуальным, т.е. осознается.

* * *

Таким образом, мы показали, что проблему сознания нельзя рассматривать в отрыве от процесса порождения и функционирования мыслей. Сознание выступает как *функциональная* часть психики, актуализируемая субъектом в целях организации текущей жизнедеятельности. Сознание характеризуется субъективным содержанием и механизмом его реализации. Сознание как способность реализуется целостной системой мозга, участвуя в реализации парциальных способностей, связанных с отдельными психическими функциями. Функция сознания как высшего уровня функционирования психики заключается в целеполагании и возможностях моделирования реальной деятельности в идеальной форме, что дает огромные преимущества в организации деятельности и обеспечении ее эффективности и безопасности.

Первичной формой осознания являются предметные представления. В повседневной жизни – это ведущая форма сознания. Констатация факта, что представления являются формой предметного сознания, многое

проясняет в проблематике сознания и связывает его с субстанцией мыслей. Через представление мы можем сделать шаг и к другим формам индивидуального осознания, выраженным в понятиях, так как ранее мы показали взаимосвязь и взаимопереходы мыслей в образе вещи, представлении и воображении.

Предложена классификация познавательных процессов на два вида:

- 1) обеспечивающие психическую деятельность содержанием;
- 2) выступающие как механизм работы с этим содержанием.

Показано, что рефлексия, в большинстве работ рассматриваемая как самостоятельный процесс, включена в мыслительный процесс. Убрав из мышления рефлексю, мы разрушим мыслительный процесс. Мышление не осмысливает само себя (это не мышление о мышлении), мышление является (выступает) как мыслительная функция мыслящего субъекта, реализующего субъективно значимую задачу.

Проведенный анализ позволяет разделить рефлексю как процесс, и рефлексивность как качество личности (способность). Высказано

предложение о том, что рефлексивность не монометрична. Ее качественная и количественная характеристики будут определяться предметом рефлексии. Предложена модель рефлексивности.

Высказано положение об адаптационной обусловленности уровневого формирования и развития психики, среди которых ведущим выступает сознание.

Глава 6

Развитие ментальности человека

Рассматриваются основные детерминанты развития ментальности: ее обусловленность моралью и деятельностью. Показывается, что мысль как потребностно-эмоционально-содержательная субстанция обладает побудительной силой и может выступать в качестве мотива. Анализируется проблема понимания с позиций герменевтического круга (по Гадамеру) и условий понимания. Рассматривается взаимосвязь умения учить и учиться.

Ментальность в большинстве случаев понимается как образ мыслей, умственных действий и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе [14]. Говоря о развитии ментальности, мы подразумеваем развитие образа мыслей, умственных действий и духовных установок в их взаимосвязи и взаимообусловности. В нашем исследовании в центре стоит мысль конкретного человека. Вследствие этого нас будет прежде всего интересовать развитие

мысли в плане ее обусловленности умственными действиями и духовными установками.

Определяя предметную мысль как связь между свойствами вещи и вещью, мы констатировали, что мысль имеет содержание. Оно определяется конкретным свойством вещи, которое мы фиксируем в процессе восприятия.

Интересно отметить, что в экспериментах, проводимых в нашей лаборатории (А.Б. Мушин, А.А. Галдыкина), при выполнении инструкции «описать свойства конкретного объекта» испытуемые называли разные свойства. Это свидетельствует о том, что при восприятии объекта у разных испытуемых он характеризуется различными мыслями-свойствами. Вещь одна, но разные испытуемые выделяют разные свойства. С одной стороны, это подтверждает старую мысль о том, что любой предмет неисчерпаем в своих свойствах и его нельзя познать полностью. С другой стороны, это свидетельствует о глубоких внутренних индивидуальных различиях, определяющих восприятие. В чем же заключаются эти различия?

Начнем с того, что еще Аристотель отмечал единство мысли и истины. Мы познаем мир для того, чтобы совершать поступки или заниматься созидательно-творческой деятельностью, а для этого необходима «истина, которая согласуется с правильной волей» [4, с. 159]. Рассматривая сознательный поступок, Аристотель отмечал, что он (поступок) невозможен ни помимо ума и мысли, ни помимо [нравственных] устоев» [4, с. 160]. Мысль и нравственность лежат в основе поступка. Но эта связь двухсторонняя. С одной стороны, мысли определяют поступок, с другой – поступок обогащает мысль за счет познания новых граней действительности. В мысли начинают отражаться нравственные устои, мысль обогащается нравственностью. А следовательно, и сознание человека обогащается нравственностью. Аристотель определяет ум как содержание восприятий (последних данностей). Он пишет: «нужно обладать чувством этих частных, последних данностей (для совершения поступков), а оно-то и есть ум» [4, с. 171]. Таким образом, мысль и ум, а следовательно, и сознание приобретают нравственность. Умом мы постигаем вещи, наиболее полезные для нас.

Важно отметить, что поступки человека связаны с получением блага. Поэтому важно знать, что для субъекта является благом. Осознание блага для себя и является мотивом поведения. Аристотель подчеркивает, что ум человеком приобретает в том числе и за счет обогащения нравственными устоями. «Когда же человек обрел ум, он отличается по поступкам [от неразумных детей и зверей]; и тогда склад [души], хотя он и подобен [природной добродетели], будет добродетелью в собственном смысле слова» [4, с. 174–175].

Отмечая связь мысли и морали, В.О. Ключевский писал, что мысль без морали – недомыслие, мораль без мысли – фантазия. М. Хайдеггер и А. Бергсон высказывали сходные суждения о том, что раз мысль – это всегда мысль конкретного человека, то она должна быть нравственна, связана с совестью.

Мораль проявляется не только в конкретных решениях, но, что может быть важнее, определяет направление поиска, в том числе и в области науки и техники. Оба механизма (мораль и ум), которые вначале прослеживались друг в друге, должны были разойтись, чтобы вырасти. Но и сейчас в каждом из них представлен другой, имеется связь с другим.

Выше мы отметили, что действие ума контролируется моралью. Опираясь на данные глубинной психологии, можно сказать, *что мораль в целом контролирует деятельность подсознания*. Если учесть, что духовность включает в себя моральную норму, эмоцию и ум, то можно сделать предположение, что духовность объединяет сознание и подсознание, духовность *элиминирует контроль* сознания над подсознанием. А так как духовность предполагает приятие личностью морали, то мораль пронизывает подсознание и становится ведущим побуждением.

Объединение сознания и подсознания через духовность дает интеллектуальный порыв, позволяет личности достичь необычайной проницательности, выйти на вершину творчества. Сознание не контролирует подсознание, а работает вместе с ним как единый психический механизм во взаимодействии и взаимосодействии. Огромный потенциал подсознания (информационный и побудительный) включается в деятельность сознания. Такое единство выступает как *суперинтеллектуальная* деятельность.

Таким образом, мы можем констатировать, что одним из путей ментального развития человека является обогащение его сознания через составляющие его мысли нравственными устоями. Духовная составляющая сознания существенно повышает возможности творческих решений.

Уникальность человека с развитыми духовными способностями обращает его внимание на такие стороны воспринимаемого мира, на которые обыкновенный человек никакого внимания не обратит. Таким образом, внутренний мир духовного человека обогащается новыми мыслями. Однако именно необычный взгляд на действительность и раскрывает ее для духовного человека в новых ракурсах, проявляется в неожиданных выводах и творениях. Духовность проявляется в том, что действительность познается не только рационально, но и эмоционально, через переживания, тем самым мысль как субстанция обогащается переживаниями.

Устанавливая функциональную значимость отдельных свойств предметов внешнего мира, человек раскрывает для себя личностный смысл, личную ценность этих предметов.

Эта ценность вещи входит в состав его мыслей о предмете, а через мысли его сознание наполняется не абстрактной информацией, а мыслями, имеющими личностный смысл, личную ценность. Следовательно, восприятие внешнего мира представлено во внутреннем мире как образ-субстанция, наполненная личным смыслом и значением, *понимаемая* со стороны значения, важности, вещи, явления, события для его жизнедеятельности.

В процессе жизнедеятельности дается оценка тех или иных мыслей и их совокупностей со стороны их положительной или отрицательной значимости для субъекта, социальной группы, общества в целом. Важно подчеркнуть, что эта ценность определяется не только объективными свойствами самими по себе, но и их вовлеченностью в систему нравственных критериев, систему общественных отношений, в которую включен человек, его жизненных целей.

Постижение личностного смысла, значения и ценности тех или иных свойств, признаков явлений и событий осуществляется как непосредственно в процессе их восприятия через поступки и деятельность, так и опосре-

дованно, в ходе идеальной работы сознания со своими собственными мыслями. Будучи вовлеченной в сознание, мысль живет своей собственной жизнью, т.е. включена в жизнь индивида, но при этом управляет совместно с волей жизнью этого индивида. При этом следует подчеркнуть, что не все мысли отражаются в сознании, но от этого они не теряют своей *побудительной* силы.

На побудительной силе мысли следует остановиться более подробно. Как мы уже отмечали, мысль представляет собой содержательно-потребностно-эмоциональную субстанцию. Потребностно-эмоциональная составляющая мысли входит в субстанцию на этапе формирования мысли, так как порождение мысли происходит в процессе деятельности, которая побуждается определенными мотивами и связана с переживаниями.

Но у этого процесса есть и обратная сторона: мысль, связанная с удовлетворением потребности, при повторении, согласно дофаминовой теории, сама приводит к получению удовольствия. Это удовольствие связывается уже не с деятельностью, а с мыслью о деятельности. В этом случае сама мысль, имеющая опре-

деленное содержание, является источником удовольствия, и не идеального, а реального, связанного с функционированием определенных структур головного мозга, вырабатывающего дофамин, гармон удовольствия.

Таким образом, идеальная мысль запускает биологический механизм, лежащий в основе получения субъектом удовольствия. При определенных условиях есть основание заикливаться на этих мыслях, что может привести к психическим расстройствам. С подобным случаем мы сталкиваемся у влюбленных, когда одна мысль о любимом человеке доставляет удовольствие, и человек готов вновь и вновь обращаться к мысли о любимом, каждый раз получая от этого удовольствие. Можно сказать, что любовь – это болезнь, связанная со стремлением получать удовольствие от мысли о любимом. Проявлением этих мыслей-чувств являются все так называемые «неразумные» поступки влюбленных. Это побуждение может быть «побочным» продуктом мысли о чем-то вполне конкретном, не связанным с побуждением.

Проводимый анализ показывает, что мысль, развиваясь, обогащается содержанием, приобретает личностный смысл и значение, приоб-

ретает побуждающую силу. В таком качестве она входит в содержание психики и частично представлена на уровне сознания. При идеальной работе субъекта с мыслями (работа сознания, представленная в операциях мышления) происходит их постоянная *интерпретация*, в результате каждая мысль становится *многозначной*, сохраняя при этом свое значение.

В зависимости от рода деятельности, социального положения, исторической ситуации, личностных целей и ценностей мысль приобретает конкретное значение, одновременно приобретая личностный смысл.

Мы уже неоднократно отмечали, что мысль включается в содержание психики. Здесь уместно поставить вопрос: что это значит: включить мысль в содержание психики? При ответе на данный вопрос нельзя обойтись без понятия «понимание». «Понимание» является центральным понятием герменевтики. В философии герменевтика относится к одному из ведущих философских направлений XX века. «Под герменевтикой обычно понимают искусство и/или учение о понимании и истолковании текстов, а также действий людей и результатов их действий» [33, с. 54].

В психологии это философское направление нашло отражение в понимающей психологии.

В большинстве работ по герменевтике ставится задача понять текст с позиции автора. В нашем случае герменевтическая позиция становится актуальной, когда мы рассматриваем мысль, выраженную понятием.

В этой части работы мы говорим об индивидуальной мысли и о ее понимании человеком, т.е. речь идет о понимании своих мыслей. Два подхода к пониманию, отмеченные ранее, не тождественны, но они тесно связаны. Можно даже утверждать, что второй подход предшествует первому, так как автор текста может рассматриваться, в свою очередь, как субъект понимания жизни в определенном аспекте, который он отразил в тексте.

В «простейшем» случае понимание вещи определяется ее функциональным значением. При этом нам представляется важным положение Гадамера о герменевтическом круге понимания, согласно которому в понимании нет начала и конца [18]. Человек сталкивается с понимаем той или иной жизненной ситуации, уже обладая определенным сознанием. Человек вступает в круг понимания

уже с определенным предсознанием. И важно включить эту новую ситуацию в содержание предсознания. При чувственном функциональном восприятии это осуществляется достаточно легко. Функциональные свойства вещи включены в действие или поступок, и это через результат раскрывает их значение и смысл. Становится понятным, *для чего они нужны*. В этом функциональном значении в качестве мыслей они и становятся достоянием содержания психики.

Не отрицая важности понимания текста, подчеркнем, что чувственное предметное понимание в системе психологии, философии и образования явно недооценивается. А это удаляет психологию от реального человека.

Понимание собеседника занимает промежуточное положение между пониманием вещи и пониманием текста. Если понимание текста предполагает понимание содержания и понимание создателя текста, то в понимании собеседника речь и собеседник как бы объединяются, но вместе с тем это уже чувственное восприятие и речи, и собеседника: его интонации, акцентуации и т.д. Появляется

возможность диалога, постановка вопросов. В понимании текста все это как бы вынесено за скобки, но тот, кто писал текст, все это переживает. Здесь мы сталкиваемся с процессом «опредмечивания и распредмечивания» мыслей.

Но вернемся к чувственному пониманию мыслей, связанных с восприятием предметного мира. С момента рождения ребенок осваивает внешний мир через его функциональные значения, из которых и складывается содержание внутреннего мира. Внешний мир понимается в функциональном значении, через которые он включается в жизнь ребенка. И это понимание внешнего мира нарастает циклически (Гадамер) в процессе жизнедеятельности, когда одни и те же предметы многократно включаются в деятельность человека. Такое циклическое наращивание содержания психики обеспечивает его понимание. Это содержание психики составляет ее ядро, обеспечивающее сознательное (осознанное) использование содержания психики в процессах мышления.

Но все ли, что мы воспринимаем, носит функциональный характер (я не беру здесь непроизвольное восприятие, запоминание и т.д.)?

Внешний мир богат событиями и вещами, которые могут привлекать внимание, но не имеют в момент восприятия функционального значения, а мысли-образы этих вещей и событий не требуют понимания. Они будут выступать как автономные субстанции, включенные в содержание психики как бы «про запас». Отсюда сделаем вывод, что не все содержание психики взаимосвязано. На этот факт обращал внимание еще Эшби. В таком случае получаемые мысли-субстанции будут выступать как изолированные знания. И здесь возникает важная педагогическая проблема: как должны быть связаны эти две формы содержания психики в педагогическом процессе?

В общественно-исторической практике почти все знания связаны и имеют определенное значение. Но даже здесь мы вынуждены говорить «почти все». Типичным примером может служить математика, когда чисто логическое построение, доказательство теорем не всегда осознается со стороны их практической значимости даже учеными. В таких случаях они говорят, вот пройдет x лет и эти знания окажутся востребованными, и приводят в доказательство примеры из истории математики.

Но как быть конкретному ученику, которому предлагают для изучения знания, в которых он не находит личного смысла? И что должен делать при этом педагог? Ведь еще Аристотель говорил, что мы изучаем не для того, чтобы знать, а для того, чтобы делать.

Во-первых, необходимо стремиться, чтобы таких отвлеченных, не имеющих личного смысла знаний было как можно меньше. Во-вторых, необходимо везде, где только можно, специально затрачивать усилия на раскрытие личного смысла получаемых знаний. Наконец, в-третьих, встречаясь с отвлеченным знанием, необходимо показать его уникальность, показать его место в мировоззрении, показать его в системе проблем, над решением которых бьются лучшие умы человечества. Понять мир в его сущностных проблемах и развитии. Вот, например, событием в астрономии стали факты, свидетельствующие о Большом взрыве. Это приоткрыло одну из граней проблемы происхождения Вселенной. Правда, не сняло вопрос том, откуда взялась эта протоматерия до Большого взрыва. Или другими словами: кто создал мир? И, следовательно, есть ли Бог, который создал мир?

Можно сказать, что у истории нет начала. Но зачем тогда физики ищут частицу Хиггса? Такие мировоззренческие вопросы могут пробудить интерес учеников к отдельным фактам. И вообще, в педагогическом процессе мы очень мало внимания уделяем отдельным фактам как кирпичикам мировоззрения. А ведь наука и занимается поиском фактов с их последующей интерпретацией. Этому и надо обучать учеников.

Таким образом, мысль может быть понята или в функциональном, или в мировоззренческом значении. Между этими двумя аспектами нет непроходимой границы, но это не одно и то же. Что не соответствует решению этих двух задач, не должно включаться в содержание образования? Показателен в этом отношении подход Я.А. Коменского к отбору содержания образования. Он считал, что «в школах всех нужно учить всему».

Отметим, что умения учить и учиться тесно взаимосвязаны. По-настоящему умение учить может стать искусством только с учетом умения ученика учиться, а умение учиться во многом определяется тем, как ученика учат.

С отмеченных позиций крайне важно выяснить, до каких вершин искусство учить и учиться дошло в трудах Коменского. Продвинулись ли мы вперед и в чем? Или сделали шаг назад – не умирает ли искусство учить? Что нового появилось *в методе* учить и учиться? Может ли быть современная школа, о которой сейчас много говорят, без нового метода?

Метод Коменского базируется на трех основаниях:

- 1) природоцелесообразности;
- 2) дидактики, обучении в условиях типографского книгоиздания, доступности учебников для учащихся;
- 3) созданию человека по образу и подобию Божию, грехопадении человечества и необходимости исправления человеческой испорченности через правильное воспитание юношества.

Целями образования Коменский считал воспитание в человеке таких качеств, которые помогут ему знать все вещи, быть владыкою вещей и самого себя, чтобы себя и все возводить к Богу, источнику всех вещей [37, с. 269]. Иными словами, человек должен характеризоваться образованностью, добродетелью или

нравственностью, религиозностью или благочестием. Разъясняя эти качества, Коменский писал: «Под образованием нужно понимать познание всех вещей, искусств и языков; под добродетелью – не только внешнюю воспитанность, но и внутреннюю, и внешнюю основу побуждений, а под религиозностью – то внутреннее богопочитание, которым дух человека связывается и соединяется с высшим чувством» [37, с. 269].

Коменский исходит из того, что «всякий человек рождается способным к приобретению познания вещей и... что в мире нет ничего, чего бы не мог объять одаренный чувством и разумом человек» [37, с. 272–273]. Поступками человека управляют разум и воля.

Утверждая, что стать человеком можно только в результате научения, Коменский обращает внимание, что способности человека легче всего раскрываются в «нежном» возрасте; то, что воспитывается в раннем возрасте, человек впитывает в себя прочно и устойчиво.

Сам автор разъясняет это положение следующим образом: *«Это нельзя понимать так, однако, как будто бы мы требовали от всех*

знания всех наук и искусств (особенно знания точного и глубочайшего). Это ведь по существу дела бесполезно и, по краткости нашей жизни, ни для кого из людей невозможно. Ведь мы видим, что любая наука (физика, арифметика, геометрия, астрономия и пр., даже сельское хозяйство или садоводство) так глубоко и так широко развилась, что даже у самых выдающихся умов, если они желают заняться теоретическими размышлениями и опытами, она могла бы наполнить всю жизнь» [37, с. 295].

Выход из этой ситуации Коменский видит в том, «чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромное суждение и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки» [37, с. 126]. Из данного суждения вытекает, что знания, получаемые в школе, должны быть ориентированы на использование в деятельности и в повседневной жизни в ее различных

проявлениях (для будущих деятелей и для суждений о существующем и происходящем).

Необходимо «благодаря школе и во всей жизни» при посредстве наук и искусств развивать природные дарования, совершенствовать языки, развивать «благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями» [37, с. 295].

По Коменскому, обучение должно формировать мировоззрение, включающее знание о вещах и самом себе, добродетель (или нравственность), благочестие (внутреннее богопочитание). Мировоззрение (миросозерцание) – система обобщенных взглядов на мир и место человека в нем, на отношения людей к окружающей их действительности, к самим себе, а также обусловленные этими взглядами их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности [12, с. 737].

Глава 7

Мысль и сомнения

Рассматривается сомнение как психический процесс и состояние, как отправная точка психологического исследования и познания жизни. На конкретных примерах анализируется сомнение, отражающее мир внутренней жизни человека, показывается субстанционный характер сомнения, выделяются виды сомнения и его функции. Акцентируется внимание на том, что сомнение работает прежде всего с содержанием сознания.

В поэтической форме проблему сомнения Шекспир выразил так: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!» [75, с. 105].

Сомнению как психологической категории явно не повезло. В психологических словарях под редакцией В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова, А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, В.В. Давыдова и других ученых такого понятия нет. В словаре психолога-практика С.Ю. Головина это понятие вводится и определяется как: 1) неуверенность в истинности чего-либо; отсутствие твердой веры в кого-либо, во что-либо; 2) затруднительность, недоумение при разрешении некоего вопроса.

В «Большом психологическом словаре» сомнение противопоставлено доверию. «Здравое сомнение, – пишет В.П. Зинченко, – рассматривается как субъективное переживание, означающее минимальную степень доверия» [13, с. 144].

В большей мере рассматриваемое понятие отражено в толковых словарях. В. Даль определяет сомнение как нерешимость, шаткое недоумение, раздумье, колебанье мыслей; недоверие, подозрение, опасенье. Сомневаться в чем-либо – значит колебаться, не решаться, думать надвое; сомнительность – еще не испытанность [20, с. 334]. С.И. Ожегов пишет: сомневаться – значит испытывать сомнение относительно кого/чего-нибудь. Сомнение: 1) неуверенность в истинности чего-нибудь, отсутствие твердой веры в кого-нибудь; 2) затруднительность, недоумение при разрешении какого-нибудь вопроса. Сомнительный, вызывающий сомнение, подозрение, непроверенный, двусмысленный, небесспорный, неочевидный [36].

Как мы видим, большинство определений сомнения сводятся к неуверенности в чем/ком-либо или подозрительности к кому-либо. В стороне остается главное – *продуктивность* сомнения, его процессуальная сторона.

В философской литературе тема сомнения имеет длительную историю. Еще Сократ положил сомнение в основу своего метода, в котором выделял следующие части:

- сомнение («я знаю, что я ничего не знаю»);
- иронию (выявление противоречия);
- майевтику (преодоление противоречия);
- индукцию (обращение к эмпирическим фактам);
- дефиницию (окончательное определение искомого понятия) [26, с. 15]

Проблема сомнения в более поздний период связана прежде всего с проблемой познания истины. Наиболее полно (в историческом аспекте) эта тема проработана в сочинениях Декарта [21].

Сомнение, по Декарту, нужно для того, чтобы познать истину. Рассуждая об истине в манере учтивой беседы, Декарт вкладывает в уста Евдокса (одного из собеседников) слова: «Я считал бы свое обещание выполнимым, если бы, излагая вам истины, которые могут быть выведены из обыденных вещей, известных всем и каждому, я дал бы вам возможность самим прийти ко всем прочим истинам, коль скоро вам заблагорассудится их искать» [21, с. 159].

Декарт рассматривает сомнение как универсальный метод поиска истины. При этом он утверждает, что необходимо применять этот метод к установлению истинности исходных (базовых) для дальнейших рассуждений понятий. В противном случае «человек произносит слова, и даже как бы в определенном порядке, но слова эти ничего не значат» [21, с. 168]. При этом Декарт рассматривает *сомнение как некий род мышления* [21, с. 172]. «Несомненно, – писал он, – если бы я совершенно не мыслил, я не мог знать, что я сомневаюсь и что я существую. Однако я есть и знаю, что я существую, а знаю я это, потому что сомневаюсь или, иначе говоря, потому что мыслю. И может даже случиться, что если бы я хоть на миг перестал мыслить, я бы полностью перестал быть. Итак, единственное, что я могу теперь с достоверностью утверждать, *не боясь никаких ошибок* (курсив мой. – *Прим. авт.*), поскольку я уверен в своем бытии, единственное, говорю я, чего я не могу от себя отделить, – это то, что я – вещь мыслящая» [21, с. 173].

Однако, придавая столь большое значение сомнению, Декарт не берется определить, «что такое сомнение, мышление и существование» [21, с. 173].

Отвечая Эпистемону, он говорит: «Однако не воображай, что для познания этих вещей необходимо насиловать свой ум в поисках ближайшего рода и существенного видового отличия... Я утверждаю, что мы не можем таким образом познать их лучше, чем через самих себя. Более того, быть может, к тем главным ошибкам, кои могут быть допущены в науке, следует причислить и ту, которая происходит от стремления определять вещи, доступные прямому восприятию... Сомнение, мышление и существование могут быть причислены именно к этим последним» [21, с. 174–175].

Отметим, что в данном случае Декарт противоречит сам себе, ибо ранее он утверждал и показывал на примерах, что мы не всегда можем быть уверенными в истинности наших чувств.

Рассуждая о достоверности научных сведений, Декарт пишет: «Я полагаю, что все ошибки, случающиеся в науках, происходят единственно от того, что с самого начала наши суждения были слишком поспешны и при этом допускались туманные принципы, относительно которых у нас не было ясных и отчетливых понятий» [21, с. 177]. Далее он указывает путь к познанию: «Все знания,

не превышающие возможности человеческого ума, связаны между собой столь чудесной цепочкой и могут быть выведены одно из другого с помощью столь необходимых умозаключений, что для этого вовсе не требуется особого искусства восприимчивости, если только, начав с самых простых умозаключений, мы сумеем, ступенька за ступенькой, подняться к самым возвышенным» [21, с. 155]. «Все истины взаимосвязаны, следуют одна за другой, и весь секрет заключается только в том, чтобы начать с первичных и простейших, а уже потом шаг за шагом переходить к самым отдаленным и наиболее сложным» [21, с. 177]. Надо быть уверенным в правильности положенного начала, «не допускать в качестве истины ничего из вещей, вызывающих хоть малейшее сомнение» [21, с. 178].

Декарт в своих рассуждениях обходит проблему открытия, считая, что все можно установить путем правильных умозаключений. Возможно, что в своих утверждениях он находился в плену математики, где господствует дедуктивный метод.

Взгляд Декарта на сомнения как особый род мышления способствовал тому, что сомнение не стало предметом психологической науки.

И мы вправе вернуться к вопросу: что же такое сомнение? В яркой поэтической форме эту проблему выразил Ф. Тютчев в прекрасном стихотворении *Silentium* («Молчание») [62, с. 63]:

...Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи...

Рассмотрим категорию «сомнение», опираясь на примеры.

Пример первый. В основе гелиоцентрической системы мира, разработанной Н. Коперником, лежали сомнения в правильности птолемеевской системы мира, обусловленные ее сложностью и искусственностью. Предположение, что Солнце является центром Вселенной, позволило Копернику объяснить движение планет, избегая птолемеевой сложности и запутанности. Коперник, осознавая значение своего открытия и его противоречие устоявшимся теологическим воззрениям, долго не решался опубликовать

свою модель. Он многократно проверял правильность своих вычислений, глубоко их аргументируя. Для нас важно подчеркнуть, что научные сомнения Коперника в истинности системы Птолемея явились источником, который привел к новым научным взглядам на мироздание.

Пример второй. Сомнения в подходах к проблеме способности и одаренности в работах Б.М. Теплова привели к оформлению авторского видения теории способностей. Делая попытку определить, что такое способности, Теплов писал: «Три признака... всегда заключаются в понятии *способность*:

- во-первых, под способностями разумеются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; никто не станет говорить о способностях там, где дело идет о свойствах, в отношении которых все люди равны...;

- во-вторых, способностями называют не всякие вообще индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей...;

• в-третьих, понятие *способность* не сводится к тем знаниям, навыкам и умениям, которые уже выработаны у данного человека» [60, с. 16].

При ближайшем рассмотрении оказывается, что названные признаки не позволяют выделить способности из других психологических категорий, не являются отличительными чертами этого понятия. Способности здесь определяются как «особенности», но об особенностях можно говорить только тогда, когда определена вещь, у которой они есть. Особенности – это всегда особенности чего-то. Не определив вещь, нельзя говорить о ее особенностях.

Нельзя согласиться и с утверждением, что «...никто не станет говорить о способностях там, где речь идет о свойствах, в отношении которых все люди равны» [60, с. 16]. Равенство или неравенство людей в способностях является определяющим признаком, а обусловленная этими свойствами успешность деятельности (на что указывает и сам Теплов).

По второму признаку можно заключить, что на успешность деятельности влияют не только способности, но и, например, мотивация, переживания. Влияние на успешность деятель-

ности является необходимым, но недостаточным.

Третий признак вообще не дает содержательной характеристики способностей. Он только отграничивает их от других качеств, которые влияют на успешность деятельности, – от знаний, навыков и умений.

Столь же сомнителен и тезис о том, что способности развиваются на основе задатков. Но что такое задатки? По С.Л. Рубинштейну, между задатками и способностями лежит пропасть, но Теплов не делает попыток навести здесь мосты. С.Л. Рубинштейн справедливо отмечает, что термин «способности» в определениях, представленных в литературе, указывает только на то, что это нечто (способности) обуславливает успех в деятельности, но ничего не говорится о том, что есть это нечто. Создание теории способностей прежде всего предполагает содержательное раскрытие понятия «способности». Но от одних сомнений по поводу сущности способностей понимание этой сущности не придет. Только обращение к работам Б.Г. Ананьева, П.К. Анохина, А.Р. Лурия, Д.А. Ошанина, С.Л. Рубинштейна позволили сделать решающий шаг к пониманию способностей как свойств функциональ-

ных систем, реализующих отдельные психические функции.

Дальше развивалось понимание способностей субъекта как деятельности и личности. Необходимо подчеркнуть, что использование мыслей других авторов еще не ведет к разрешению сомнений и созданию нового понимания способностей. Каждый из уровней понимания потребовал творческого взгляда на проблему, связанную с выходом за пределы существующих взглядов и положений.

Таким образом, в научных исследованиях сомнения порождаются вскрытием противоречий в существующем взгляде на вещи, стремлением разъяснить эти противоречия, дать ответ на возникающие вопросы. Сомнения переходят в научную проблему, и разрешение этих сомнений-проблем является источником творчества. В частности, здесь можно сослаться на процесс разработки теорий в психологии, который излагают К.С. Холл и Г. Линдсей [66, с. 24–29].

Пример третий. Анна Каренина – любимая жена господина Каренина, который вывел ее в свет, обеспечил материальное благополучие. Он лишен пылких чувств, хотя по-своему переживает ситуацию, и по всей вероятности,

глубоко. Вронский – красавец-офицер, граф, по рождению входящий в высший свет, элиту общества – влюбляется в Анну, добивается ее взаимности, у них рождается дочь. Свет не принимает этого гражданского брака.

Центр романа развивается вокруг двух проблем: *сомнений* Анны в правильности своего поведения и влечении к Вронскому; любви к сыну, невозможности быть с ним и безразличии к дочке, рожденной от любимого человека. Толстой не рассматривает внутренние мотивы этого поведения, возможно, он и сам не видит этому объяснения. Но существует и третья проблема – это *сомнения* Каренина в оценке сложившейся ситуации: любящего и оскорбленного мужчины. Сомнения Анны, ее переживания заканчиваются трагически. Сомнения Каренина приводят к решению лишить Анну возможности видеться с сыном.

Важно отметить различие в принятии решений, порожденных сомнениями. Решение завершается действием, тогда как сомнение завершается бездействием, дальнейшим сомнением. С этой точки зрения сомнение можно рассматривать как состояние и как процесс (как некий род мышления).

Как процесс сомнения укладывается в определение мышления С.Л. Рубинштейна, когда в результате мышления вещь поворачивается разными сторонами и из нее вычерпываются новые свойства (качества). В сомнении субъект, осмысливая ситуацию, глубже познает себя, свои мотивы, интересы, он пробует объяснить поведение партнера, отыскивая в нем новые качества или интерпретируя старые качества с новых позиций.

Сомнение приводит к воспоминаниям и переосмыслению прошлого. Оно служит переорганизацией внутреннего мира человека. Об этом прекрасно пишет Афанасий Фет [63, с. 54]:

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять...

Как состояние сомнения всегда связано с переживанием, питается им. И это переживание может стать доминирующим, захватывающим всю личность, довести ее до болезненного состояния. Таковы, например, ревность или депрессия. Борясь с сомнениями, человек применяет различные копинг-стратегии преодоления стресса. Сомнения

в единстве с переживаниями превращаются в мотив поведения. Сомнение выступает мощным активатором психической деятельности, направленной на предмет сомнения.

Сомнения представляют собой сложные симптомокомплексы чувств и когний. Они характеризуются определенной возобновляемостью, неравномерностью и гетерохронностью. Одной из главных особенностей сомнения является его *незавершенность*. Субъект стремится вытеснить сомнение из сферы сознания, но, как все вытесненное, сомнение прорывается в сознание и завладевает мыслями человека, человек не в состоянии управлять им.

В сомнениях ум и эмоции существуют как единое целое, содержатся друг в друге. Эмоции наполняют содержательные противоречия, а ум пробует эти противоречия разрешить. Действие ума в сомнении опутано эмоциями и контролируется ими, а в эмоциях проступает действие рассудка. В сомнении эти две линии объединяются. Именно так мы можем понять утверждение Декарта о том, что сомнение – это *особый* род мышления.

Сомнение работает с мыслями, в которых в единстве представлены содержание, мотивы и переживания. И в этом плане сомнение

можно рассматривать как особый род мышления (Декарт), работающий с содержанием мира внутренней жизни человека. Сомнение может замыкаться во внутреннем мире личности, и в этом заключается одна из причин его незаконченности.

Следует различать сомнения в науке и сомнения, пропитывающие поведение людей, их отношения друг с другом. В науке сомнения служат источником познания, а в отношениях людей сомнения, составляя основу мира внутренней жизни, носят амбивалентный характер. Как пишет Фет, «сомнением мне суждено дышать». Дышать как воздухом, питаясь этим сомнением. Сомнение становится неотъемлемым от жизни человека, а часто и его жизнью.

Пример четвертый. Красивая и умная девушка, глубоко верующая, полюбила молодого человека, но он был не воцерковлен. Вначале их отношения развивались, как у всех влюбленных. Молодой человек ответил взаимностью. Но вера предписывала девушке, чтобы ее жених тоже верил в Бога, при этом чтобы он принадлежал к той же конфессии, что и девушка. Началась внутренняя борьба. Девушка стремилась к тому, чтобы любимый

обратился к Богу. Молодой человек упрекал ее, что она его не любит, раз не хочет выйти замуж. Этот диалог длился достаточно долго, и страсть угасла. В конце концов они разошлись. Со временем каждый из них женился (вышел замуж). Но всю жизнь и того, и другого мучили сомнения, правильным ли был их поступок. Эти сомнения накладывали отпечаток и на текущую супружескую жизнь. Прошлое в виде сомнения связывалось с настоящим. Сомнением им суждено было дышать.

Для появления сомнения не обязательно наличие длительной предыстории. Иногда достаточно одной фразы, чтобы породить сомнения на всю жизнь. Был случай, когда жена в порыве спора сказала мужу: «А ты уверен, что это твой ребенок?» И это сомнение не оставляло его на протяжении всей жизни.

Посеянное сомнение часто бывает трудно разрушить. И чем больше человек старается развеять его, тем больше оно укрепляется у партнера.

Отметим еще раз, что сомнение возникает в общении, в совместной деятельности и жизни. Часто доверие может переходить в сомнения и далее – в недоверие. Это может касаться как отдельной личности, так и обще-

ства в целом. Так, в советский период у большинства людей было сформировано доверие к прессе, но сегодня большинство людей относятся к ней с недоверием, особенно если дело касается политики. Люди сомневаются в истинности сообщений. Недоверие становится состоянием общественного мнения.

Отметим, что сомнения могут быть не только у субъекта по отношению к другим людям, но и сама личность может стать объектом сомнения. Сомнения могут относиться как к негативным, так и к положительным качествам. В последнем случае разрешение сомнения переходит в доверие.

При разрешении сомнения мы можем наблюдать различные эмоциональные переживания: определенного рода катарсис, напряженную грусть, радость, трепетное ожидание нового, чувство разрядки и успокоения.

Разрешенное сомнение позволяет личности по-новому строить свои отношения, переводит их на другой уровень, порождает состояние душевного благополучия. С определенным основанием мы можем говорить о феномене душевного гомеостаза (в отличие от физиологического гомеостаза). Состояние душевного гомеостаза может наблюдаться, когда

уровень притязаний личности соответствует реальным возможностям, ей ничего не угрожает, ее сомнения разрешены. Душевный гомеостазис характеризуется ровным настроением удовлетворенности, отсутствием тревоги, положительным отношением к окружающим людям, хорошим состоянием здоровья.

Порой за свои сомнения человеку приходится дорого расплачиваться.

Пример пятый касается гибели царства Креза. Как пишет Геродот (484 – 425 гг. до н.э.) в своей «Истории», царь мидийцев Крез сомневался, идти ли ему войной на персов, чтобы сокрушить державу Кира. Для того чтобы разрешить сомнение, он отправил послов к дельфийскому оракулу и получил ответ: «если Крез пойдет войной на персов, то разрушит великое царство». Крез истолковал предсказание в духе своих ожиданий – он разрушит державу Кира. На самом же деле предсказатель имел в виду царство Креза. Неправильное толкование сомнения привело к овладению персами Сардами, а самого Креза взяли в плен [32].

Пример шестой – еще один рассказ Геродота. Он о царе Кандавле из дома Гераклидов. Кандавл был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой

красивой женщиной на свете. Был у него телохранитель, которому он расхваливал красоту жены. Однажды он обратился к телохранителю (Гигесу) с такими словами: «Гигес, ты кажется не веришь тому, что я говорил тебе о красоте моей жены (ведь ушам люди доверяют меньше, чем глазам), поэтому постарайся увидеть ее обнаженной». Громко вскрикнув от изумления, Гигес отвечал: «Что за неразумные слова, господин, ты говоришь? Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? Ведь женщина вместе с одеждой совлекает с себя и стыд». Но Кандавл настаивал, чтобы развеять свои сомнения, и за это жена, сочтя себя глубоко оскорбленной, устроила так, что Гигес убил царя и сам сделался правителем. Так за свои сомнения Кандавл поплатился жизнью [32, с. 33–120].

Отметим, что с суждением Геродота не был согласен Плутарх, который писал: «Неправ был Геродот, что вместе с одеждой женщина совлекает с себя стыд. Напротив, женщина целомудренная, снимая одежду, облачается в стыд, и чем больше стыдливости между супругами, тем большую любовь это означает» [45, с. 349]. Близкой к Плутарху точки зрения придерживалась и жена Пифагора.

Пример седьмой. Каждая женщина, одеваясь, находится в сомнении, что ей надеть сегодня, как она должна выглядеть. Для разрешения этого сомнения приведу небольшой отрывок из «Опытов» Мишеля Монтеня.

«Почему женщины скрывают до самых пят те прелести, которые каждая хотела бы показать и которые каждый желал бы увидеть? Почему под столькими покровами, наброшенными один на другой, таят они те части своего тела, которые главным образом и являются предметом наших желаний, а следовательно, и их собственных? И для чего служат те бастионы, которые наши дамы начали с недавнего времени воздвигать на своих бедрах, если не для того, чтобы дразнить наши вожелания и, отдаляя нас от себя, привлекать к себе?...

К чему эти уловки девического стыда, эта неприступная холодность, это строгое выражение в глазах и на всем лице, это подчеркнутое неведение тех вещей, которые они знают лучше нас с вами, будто бы обучающих их всему этому, если не для того, чтобы разжечь в нас желание победить, преодолеть, разметать все эти церемонии и преграды, мешающие удовлетворению нашей страсти? Ибо не только наслаждение, но и гордое сознание,

что ты соблазнил и заставил безумствовать эту робкую нежность и ребячливую стыдливость, обуздал и подчинил своему любовному экстазу холодную и чопорную бесстрастность, одержал верх над скромностью, целомудрием, сдержанностью, – как раз в этом, по общему мнению, для мужчины и в самом деле великая слава; и тот, кто советует женщинам отказаться от всего этого, совершает предательство и по отношению к ним, и по отношению к себе самому...

Полностью утратив возможность развода, мы думали укрепить этим брачные узы, но, затянув узы, налагаемые на нас принуждением, мы в той же мере ослабили и обесценили узы, налагаемые доброй волей и чувством. В древнем Риме, напротив, средством, поддерживавшим устойчивость браков, долгое время пребывавших незыблемыми и глубоко почитаемыми, была неограниченная свобода их расторжения для каждого выразившего такое желание; поскольку у римлян существовала опасность потерять своих жен, они окружали их большей заботой, нежели мы, и, несмотря на полнейшую возможность развода, за пятьсот с лишним лет здесь не нашлось никого, кто бы ею воспользовался» [41, с. 544–546].

Из приведенных примеров мы видим, что сомнения пронизывают все стороны нашей жизни, составляя сущность нашего внутреннего мира.

Сомнение и принятие решения. Сомнения тесно связаны с принятием решения. Сомнение характеризуется отсутствием внешнего действия, так как не принимается окончательное решение. Но сомнение не бездействие. Состояние сомнения сопряжено с активной интеллектуальной деятельностью и глубокими переживаниями.

Отказ от действия – это тоже действие, часто сопряженное с большими волевыми усилиями. В сомнении часто сталкиваются побуждения и нравственность человека, и с этой точки зрения сомневающийся – это нравственный человек. В сомнении проявляются эгоистическое и альтруистическое начала личности. Сомневающийся – это не только и не столько нерешительный, сколько осознающий важность решения. У. Шекспир, отмечая роль сомнения, писал [75, с. 105]:

Когда начнем мы размышлять: слабее
Живой полет отважных предприятий
И робкий путь склоняет прочь от цели...

Если в процессе решения человек руководствуется некоторыми правилами и критериями предпочтительности, представлениями о цели, то в состоянии сомнения у него нет этих правил и критериев предпочтительности. В биологической мотивации при множестве мотивов действует принцип доминанты, когда в каждый момент времени клетками коры головного мозга избирательно завладевают восходящие активирующие влияния, отражающие наиболее важную на данный момент потребность организма. В состоянии сомнения принцип доминанты не работает.

Сомнение – осознаваемый процесс (хотя при этом отдельные мотивы могут действовать и на бессознательном уровне). Факторы сомнения сохраняются в памяти и извлекаются из нее, когда субъект пробует вернуться к ситуации, требующей разрешения. При этом к процессу разрешения сомнения привлекаются все новые мысли. В этом проявляется функция сомнения как познания.

Сомнение – это не столько процесс принятия решения, сколько *размышление*, интеллектуализация ситуации. И в этом смысле сомнение выступает прежде всего как про-

цесс познания себя и социального познания. И часто именно эта когнитивная функция сомнения является главной, а решение, которое будет принято или не принято, оказывается второстепенным.

Сомнение часто может выступать как отложенное решение. Например, молодая пара прожила несколько лет. Семейная жизнь вошла в определенную колею, размеренную и скучную. За период совместной жизни каждый развивался в своей сфере. В результате стал нарастать когнитивный диссонанс, удовлетворение потребности друг в друге сократилось. При этом партнеры не потеряли уважения друг к другу, но уже не дышали едиными интересами. Возникло сомнение: а не разойтись ли по-хорошему, сохранив дружеские отношения? Но перед принятием окончательного решения договорились пожить отдельно, чтобы еще раз проверить, так ли они стали далеки друг от друга, чтобы расстаться.

Заметим, что пара не отягощена формальным браком и не имеет детей. Выбор в этой ситуации является свободным и наиболее правильным (вспомним пример из Рима). Правда, в эту ситуацию может вмешаться возмущающий фактор в виде другого мужчины (женщины).

В обычной ситуации его может и не быть, но в ситуации сомнения он может оказаться значимым, хотя и необъективно важным. Возможно, что решение, принятое под воздействием этого фактора, в дальнейшем приведет к расставанию, но такова плата за сомнение.

Характерной особенностью сомнения является то, что его мотивация связана с внутренними факторами. Если биологическая мотивация направлена вовне, обращена к внешнему миру, то мотивация сомнения обращена к внутреннему миру, она относительно независима от внешнего мира, и поэтому сомнение как состояние и процесс может продолжаться сколько угодно долго. С этой точки зрения сомнения, возникающие в критические моменты жизни человека, вместе с необходимостью принятия важных решений составляют важнейшую часть нашей жизни. Их разрешение обеспечивает душевный гомеостазис. Но будучи связанными с переживаниями, сомнения могут стать самоцелью, за счет сомнений человек может обеспечивать себе глубокие переживания.

Мы рассмотрели проявление сомнения на различных примерах. Так что же такое сомнение? Интуитивно каждый представляет себе,

что это такое, на своем опыте. Попробуем теперь ввести понятие «сомнение» в число психологических категорий. Нам представляется, что дать определение понятию «сомнение» можно, если мы будем рассматривать его в контексте более широкого понятия: мир внутренней жизни человека.

Сомнение выступает как момент внутренней жизни человека. Как проявление субстанциональной сущности человека оно выступает в единстве устойчивости и изменчивости. В качестве устойчивого явления сомнение проявляется как состояние, одновременно сомнение характеризуется изменчивостью определяющих его компонентов. Как субстанциональная характеристика сомнение самодостаточно, психика в процессе сомнения сама рефлексивирует и пытается себя осмыслить. Сомнение сохраняется в процессах его изменения и развития. Как субстанциональная характеристика оно заряжено переживаниями. Сомнение вплетено в поток внутренней жизни человека и детерминировано этим потоком.

Как одна из характеристик этого потока сомнение призвано решать жизненно важные для субъекта задачи. Следовательно, сомнение выступает одновременно и как процесс

решения. Но в силу сложного сочетания факторов, определяющих конкретное поведение, субъект не всегда находит решение стоящей перед ним проблемы. Поэтому процесс сомнения представляет собой особый тип принятия решения, когда попытки разрешить ситуацию не приводят к конкретному решению. Другими словами, разрешение конкретной ситуации носит множественный характер. И основная трудность заключается не в нахождении решения, а *в выборе одного из решений*.

Одна из особенностей сомнения как процесса решения заключается в том, что отдельные решения антиципируются на будущее, субъект старается предвосхитить (предугадать), как то или иное решение скажется на его будущей жизни. Именно эта антиципация резко увеличивает неопределенность выбора того или иного решения (данный аспект требует отдельного анализа). И здесь проявляется один из законов функционирования психики, гласящий: внутренний мир человека эволюционирует и функционирует по вероятностным законам. И это в полной мере относится к сомнению. В силу этого поведение человека становится непредсказуемым и для него самого.

Важная роль в разрешении сомнения принадлежит случайному фактору, и нам еще только предстоит осознать фундаментальную роль случая в развитии внутреннего мира в целом и в разрешении сомнения в частности.

В отдельных случаях склонность к сомнениям может приобретать болезненные формы. Так, в руководстве по использованию Международной классификации болезней в психиатрии и в наркологии отмечается, что одним из диагностических критериев *ананкастного* (обсессивно-компульсивного) расстройства личности является «чрезмерная склонность к сомнениям и осторожности» [68, с. 94].

Другими критериями этого расстройства являются:

- озабоченность деталями, правилами, перечнями, порядком, организацией или графиками;
- стремление к совершенству, мешающее завершать задачи;
- чрезмерная добросовестность и скупуплезность;
- неадекватная озабоченность продуктивностью в ущерб удовольствию и межличностным связям;

- чрезмерная педантичность и приверженность социальным условиям;
- ригидность и упрямство;
- необосновательные настойчивые требования индивидуума, чтобы окружающие поступили таким же образом, как и он, или необоснованное желание позволять другим выполнять что-либо.

Как мы видим, перечисленные критерии тесно связаны со склонностью к сомнениям и во многом питают их.

Сомнения также лежат в основе развития тревожных (уклоняющихся) и параноидных расстройств личности.

С позиций православной антропологии сомнения могут быть объяснены присущим человеку главным качеством – *самопознанием* «и не в том лишь смысле, что человек видит себя, но и в том, что он открывает в себе глубину неисследуемого, находит в себе целый мир. Самопознание имеет своим объектом именно эту глубину и неисчерпаемость жизни внутри человека. Поэтому самопознание есть в то же время сознание своего единства, своего «я», своего своеобразия, отдельности. Здесь же вспыхивает и сознание своего противостояния другим людям, миру, даже Богу – в глу-

бине себя человек находит не только внутренний мир, не только одно и то же «я», но и силу противостояния всему, что не есть личность, силу свободы» [25, с. 43].

Непознаваемость себя и является источником сомнения, которое субъект не может разрешить. Поэтому отдельные сомнения не имеют окончательного разрешения. В этом проявляется незавершенность процесса сомнения. И даже поступив тем или иным образом, субъект может продолжать сомневаться. Окончательно сомнение может быть разрешено, когда решение перейдет в действие. Для этого, возможно, потребуются дополнительный «кусковой» стимул.

Сомнение, доставляющее неприятные переживания, может вытесняться из сознания. При этом оно может включаться в психическую деятельность, как и все вытесненное. Но сомнения могут доставлять человеку и приятные эмоции. Тогда они будут входить в систему мотивации, имея тенденцию к повторению в этом качестве.

Возможно, что в процессе самосознания может быть получена дополнительная информация, которая послужит разрешению сомнения. Именно эта дополнительная информация

освобождает субъект от избыточных степеней свободы в принятии решения и разрешения сомнения.

Таким образом, сомнение имеет свою функциональную направленность, содержательное наполнение, свою динамику и механизмы разрешения. При этом следует различать сомнения при решении интеллектуальных проблем и нравственные сомнения.

Важно обратить внимание, что сомнение может рассматриваться как со-мнение, как *мнение* о самом себе. В процессе сомнения также в идеальной форме воспроизводится ситуация, по отношению к которой человек пробует сформулировать (определить) свою позицию. Рассматривая понятие «со-мнение», полезно обратиться к значению слов «мнить», «мнение». В. Даль определяет «мнить» как думать, полагать или предлагать, иметь мнение о чем-либо. «Мнение» означает понятие о чем-то, убеждение, суждение, заключение, вывод. «Мнимое» – иногда несет оттенок ложного, неистинного [20, с. 334].

Сомнение есть *неопределенность* в последствиях своих действий, отношениях, истинности мысли.

Сомнение выражается в разных формах и характеризуется различным содержанием:

- отсутствием уверенности в чем-либо;
- отсутствием веры во что-либо;
- неуверенностью в истинности чего-либо;
- подозрительностью, опасением субъекта;
- колебаниями в отношении того, что тебе верят;
- отсутствием уверенности в своей правоте, пользе совершенного действия.

Типичный пример – сомнение доктора в диагнозе, в исходе болезни; педагога – в правильности оценки; судьи – в справедливости решения и др.

Сомнение, отражающее деятельность сознания, может служить и методом изучения сознания.

В отдельных работах отмечается, что частица «со» несет значение иррациональности. В этом случае сомнение отражает невозможность получить истинное знание, что и приводит к неопределенности.

Рассматривая сомнение как результат неполного знания, интересно обратиться к пониманию «живого знания». Недостаток сведений, необходимых для разрешения сомнения, человек осознает как «знание

о незнании». В данном случае незнание – это не пустое понятие. Человек знает, что он чего-то не знает, того, что ему необходимо, и пробует это незнание перевести в знание, что не всегда удается. «Знание о незнании, – пишет В.П. Зинченко, – есть условие всякого знания» [26, с. 31].

«Живое знание, – отмечает она, – принципиально неполно, открыто, труднодоказуемо» [26, с. 34]. Но зато оно пронизано переживанием, наделено личностным смыслом. «Живое знание – это вызов науке».

Анализ показал, что сомнения могут быть разного вида в зависимости от причины их появления. Можно выделить сомнения, возникшие:

- от незнания;
- непознаваемости;
- искушения;
- безволия;
- избытка знания [11]
- нетвердой веры: «если будете иметь веру и не усомнитесь ... то если и горе сей скажете: «поднимись и ввергнись в море», – будет» [11, Мф. 21:21]; «если вы будете иметь веру с горчичное зерно... ничего не будет невозможного для вас» [11, Мф. 17:20].

Правомерно поставить вопрос: можно ли избежать сомнений? Ответ, по нашему мнению, один: избежать сомнений невозможно, так как в них отражается сама жизнь с ее противоречиями. Сомнения нужно принимать в их позитивном значении.

Обращаясь к сомнению как психологической реальности, мы хотели бы подчеркнуть, что оно отражает внутреннюю жизнь человека, протекающую в потоке меняющихся мыслей, поэтому является хорошей моделью для изучения потока мыслей.

Вместо заключения: основные положения, развиваемые в настоящей работе

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Под предметной мыслью есть основание понимать связь вещи и ее признака (свойства), устанавливаемую субъектом. Мысль рождает мыслящий человек, поэтому она всегда носит субъективный характер. Процесс субъективизации мыслей идет по трем направлениям:

- опредмечивания потребности мыслящего субъекта;
- «оборачивания» в нравственные устои субъекта;
- социокультурной и ситуативной субъективизация.

2. Реализуя основную функцию психики – обеспечение деятельности и поведения, мысль всегда носит функциональный характер. Для

реализации этой функции необходимо: во первых, обеспечить выделение отдельных предметов из окружающей среды; во-вторых, выделить отдельные признаки предметов; в-третьих, установить функциональное значение этих предметов. В категориальном аппарате психологии выделение предметов и их признаков осуществляется в процессах ощущения и восприятия. Результатом выступают *образы вещей* и их признаков. Это ключевой момент. Образ без признаков превращается в фантом. *Единство образа и его признака выражается в мысли.* Мысль несет в себе связь образа и его признака.

3. Современные нейропсихологические исследования раскрывают биологический механизм выделения отдельных признаков, т.е. механизм порождения мысли.

4. Мысль может относиться не только к вещи, но и к явлениям, событиям.

5. С учетом того, что мысль рождается мыслящим субъектом и носит функциональный характер, она связана с мотивацией поведения и сопровождается переживанием. Сказанное позволяет высказать суждение о *структуре мысли: она включает три компонента,*

а именно *содержание, потребность (мотив) и переживание*. В единстве трех выделенных компонентов мысль предстает как живое знание. В своей связи с потребностями и переживаниями она отличается от информации, которая характеризуется только содержанием.

6. Мысль представляет собой потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию. И таковой она входит в содержание внутреннего мира человека.

7. На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей о свойствах этого предмета, объединенных в единое целое (предметность и целостность образа), характеризующаяся определенным постоянством и обобщенностью (связью с целостным предметом), осмысленностью и т.д. Если мысль мы определили как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию, то и образ будет выступать как субстанция мыслей – *образ-субстанция*.

В соответствии с сущностными свойствами субстанции образ-субстанция будет выступать как устойчивая совокупность мыслей, как прибывающая во времени сущность и ее

проявление как сущего причина которого в нем самом.

8. Образ-субстанция составляет содержание ума.

9. Включенность в образ потребностей и переживаний становится той основой, которая позволяет образу *включиться* во все психологические процессы, во внутреннюю жизнь человека. Из сказанного становится понятной идея Л.С. Выготского о том, что мысль, существующая во внутренней речи, приобретает функцию внутреннего организатора нашего поведения.

В качестве нейрофизиологического механизма такого вовлечения образа в процессы мышления можно указать на факт, открытый К. Прибрамом. Образ может восстанавливаться, когда активизируется только часть системы, связанной с ним. В качестве таких частей могут служить мотивация и переживания, входящие в образ-субстанцию.

10. Индивидуальный образ как субстанция мыслей, так и мысли-обертонны. За счет этих мыслей-обертонов индивидуальный образ гармоничен, отражает индивидуальное восприятие мира субъектом.

11. Мысль есть имплицитная сущность того, что мыслится.

12. Исходным материалом для построения образа являются ощущения, которые «выполняют сразу две функции, а именно являются:

- языком, на котором описывается окружающая среда (характеристика объектов);
- отражением отдельных свойств (признаков) объектов (цвета, температуры, гладкости/шереховатости и т.д.)» [31, с. 248–249].

13. Главное качество образов – их предметность. Мысли, характеризующие образ, являются предметными мыслями.

14. Говоря о предметности восприятия, мы должны прежде всего выделить функциональное назначение образов. Образ формируется или в процессе деятельности, или в целях познания.

15. Познание вещи тесно связано с ее пониманием. Существует два уровня понимания: во-первых, отдельности вещи, ее отличия от других (что есть эта вещь); во-вторых, того, почему данная вещь отличается от других, обладает именно этими свойствами, именно

так соотносится с другими вещами, а также почему именно так можно обнаружить ее свойства и отношения.

16. Психологические исследования показали, что образ не фотография и ведущую роль в построении образа играет познавательная активность субъекта [7; 59].

17. В процессе восприятия порождаются образы не только отдельных предметов, но и целых ситуаций (фреймы).

18. Понятие функции отражает избирательное воздействие, на основе которого устанавливается связь между субъектами, явлениями, их частями и свойствами (В.М. Гордон). В психологической деятельности эта связь реализуется психическими функциями, но одновременно установление этой связи и порождает мысль. Следовательно, *мысль выступает как продукт психической функции*.

19. В.Н. Мясищев отмечает осмысленность восприятия. «Эта осмысленность означает не только связь отдельных объективных компонентов восприятия, но и *субъективную значимость* содержания восприятия для воспринимающего. Субъективное – это отчасти то, что

привносится субъектом, но отсутствует в воспринимаемом объекте» [43, с. 122].

20. Процесс построения образа осуществляется субъектом восприятия нейрофизиологических механизмов мысли, позволяющих выделить отдельные признаки-мысли и объединить их, установить связь между образом и мыслями и между отдельными мыслями.

21. *Связь между образом и его свойством выражается в суждении.* Следовательно, каждое суждение несет в себе мысль. Суждение является формой и механизмом мышления. Иными словами, *мышление, с одной стороны, есть процесс порождения мыслей (суждения), с другой стороны, мышление протекает в мыслях (умозаклчениях).* Умозаклчение выступает как процесс установления связи между образами и их свойствами (мыслями). Мышление зрительными образами получило название «визуального мышления» [5].

Благодаря субстанциональной природе образа в процессе мышления становится возможным, с одной стороны, удерживать образы в их устойчивых характеристиках, а с дру-

гой – устанавливать новые связи и отношения между отдельными мыслями, отнесенными к разным образам при определенной функциональной направленности мыслительного процесса.

22. Мышление есть процесс порождения мыслей. Мышление с качественной стороны будет характеризоваться продуктивностью порождения мыслей. Эта продуктивность и будет выступать как способность мышления. Эту способность мышления можно рассматривать как *ум субъекта*, т.е. ум будет выступать как способность порождать мысли и работать с мыслями. Ум характеризует мышление субъекта с качественной и количественной сторон.

23. Содержанием образов, возникающих в результате восприятия предметов внешнего мира, в основе которого лежат *взаимодействие* субъекта с объектом, являются мысли-свойства этих предметов [39]. На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей-свойств. Будучи порождением активности человека, образ будет входить в содержание личного сознания человека,

а сам образ будет всегда субъективным образованием [23]. Субстанциональная часть образа будет окутана облаком мыслей-обертонов, связанных с решением задачи, в которое вовлекается образ, с ситуацией и субъектом восприятия.

24. Представление памяти – это представление того, что было и воспринималось. Это образ, прошедший через реконструкцию жизнедеятельности. Функциональное назначение представлений памяти заключается в том, что в текущую жизнедеятельность вовлекается опыт человека.

25. Образ-представление, как и образ-восприятия, *функционален*. Мы всегда воспроизводим образ для решения определенной задачи, руководствуясь потребностями субъекта и его переживаниями.

26. Образ-восприятие по отношению к образу-представлению остается в прошлом. Образ-представление воспроизводится в настоящем для решения задач, стоящих перед субъектом «здесь и сейчас». В силу сказанного, образ-представление находится под контролем всей внутренней жизни человека и выступает как часть *осознания субъекта*.

27. В образ-представление могут привноситься новые мысли, которых не было в процессе восприятия, но при этом образ-представление будет сохранять *предметность*, отнесенность к конкретной вещи внешнего мира.

28. Обращение к образу и представлению через их выражение в индивидуальных мыслях показывает их взаимосвязь и одновременно различия, обусловленные временем, ситуацией и задачами, решаемыми субъектом. В представлении мы выходим за рамки образа-восприятия, добавляя в него элементы (мысли) индивидуального сознания.

29. Что нового привносит воображение в психическую деятельность? Восприятие обеспечивает настоящее, представление привносит опыт прошлого, воображение обеспечивает будущее. Воображение включено прежде всего в деятельность, в процессы *целеполагания*. Поведение определяется целью, в которой отражены параметры результата. Цель формируется до начала деятельности на основе прошлого опыта и воображения, когда деятельность связана с получением нового продукта, обладающего новыми свойствами и функциональными возможностями.

30. Воображение дает нам образ-субстанцию мыслей в оригинальном (необычном) сочетании. Воображение выполняет также аффективную функцию, создавая воображаемые ситуации, в которых субъект добивается успехов, утверждает себя сильным, смелым, успешным [55]. Проживая такие ситуации, человек испытывает чувство удовлетворения, они повышают его субъективное мироощущение, выступают в роли защиты «Я».

31. Обращение к мысли показывает путь от образа к представлению и воображению, показывает преемственность данных психических функций, одновременно определяя их качественную специфику и функциональное значение.

32. Обращение к мысли позволяет перейти к выяснению отношений между образом-субстанцией мысли и словом.

В первичной форме, как отмечал Л.С. Выготский, мысль есть разговор, но утаенный, не обращенный ни к кому другому, только к самому себе [17]. *Необходимость выражения мысли в слове возникает при передаче ее другому.* Слово в этом случае выполняет функцию сигнала, который несет определенное содержание.

33. В процессе словообразования связь его с содержанием определяется тем, кто это слово порождает. Содержание, связанное со словом, носит индивидуальный характер.

При выражении индивидуального образа словом теряются многие обертоны. Формирующееся значение слова для других, отражающее индивидуальный образ, огрубляет этот образ, но при этом он сохраняется как субстанция мыслей. Это огрубление мысли, выраженной в слове, тонко подметил Ф. Тютчев, когда писал: «мысль изреченная – есть ложь». Слово, отражающее образ, всегда беднее образа, породившего это слово. Слово порождает только основные (сущностные) мысли.

34. Слушающий дополняет мысли, содержащиеся в слове, своими обертонами (процесс, сходный с переходом от образа к представлению). В этом процессе превращения образа-субстанции в слово, носитель сообщения (информации) и понимание слова как перевод его слова в субъективный образ-субстанцию (слушающим) заключена сущность процесса общения.

35. Мы начали со слова. Это позволяет перейти к понятию, которое и будет выражаться в слове. «В логике (философии) понятие опре-

деляется как мысль, в которой обобщаются и выделяются предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам» [56, с. 1039].

Обозначая образ-субстанцию мыслей словом, субъект объединяет содержание определенного класса предметов по существенным мыслям-признакам. Это и будет первичное понятие-слово. Таким образом, понятие будет также выступать как субстанция обобщенных мыслей, соотнесенная с конкретным классом предметов. В процессе использования слова в общественной практике может произойти дальнейший отбор мыслей, включаемых в содержание понятия. Но это не имеет для нас принципиального значения. Мы хотели бы подчеркнуть только одно – понятие, как и образ, тесно связано с субстанцией мыслей. Совокупность мыслей, обобщенных в понятии, освобождена от индивидуальных мыслей-обертонов. Эту совокупность можно охарактеризовать как *значение* понятия.

36. Понятие не есть форма мышления, это содержание мыслей, с которыми работает мышление.

37. Интеллектуализация понятия происходит в процессе общественно-исторических форм деятельности: практической или теоретической. Понятия, как и теории, могут быть истинными или ложными.

38. Значительное число ученых связывают мысль и слово. Аристотель объединяет мысль и слово в одно целое, но при этом не отождествляет их ни друг с другом, ни с предметом мысли. Источником мысли у Аристотеля является чувственное восприятие вещей. Джон Локк считал возможным возникновение мыслей без языка. Лейбниц полагал, что язык нужен человеку для рассуждения с самим собой (также думал Выготский – см. выше). Сходной точкой зрения придерживался Гумбольдт, считавший, что никакая мысль не может существовать без языка.

Мыслить – значит говорить с самим собой (рефлексировать свои мысли). Гегель подчеркивал, что мышление прежде всего есть связь чувственного многообразия. Мюллер говорил о том, что в основе слова лежит качество или качества, которые человек выделяет из вещи и которые наиболее важны для него. А.А. Потебня отмечал ограниченное единство

слова и мысли, но при этом обращал внимание на их различие [47]. Элементарные мысли (чувства), считал Потебня, возможны без слов. Можно было бы продолжать и далее приводить мнения об отношении мысли и слова, но для нас важно отметить, что, говоря о мысли, как правило, не определяют, что считать за мысль, какова структура мысли, как соотносятся мысль и мышление.

39. Мы определили мышление как процесс порождения мыслей и работу с мыслями. Ребенок овладевает речью приблизительно к двум годам. Но образ матери у него формируется в первые месяцы. Он не знает слова «мама», но знает, что это человек, который удовлетворяет все его потребности. И только гораздо позднее он усваивает, что мама называется мамой. С матерью связываются мысли, насыщенные глубокими переживаниями. Он узнает слово, которое связано со всем комплексом мыслей о матери. Слово выступает как знак, наполненный определенными мыслями. Вначале субстанция мыслей, связанная с матерью, затем – слово.

40. Приведенные выше рассуждения показывают, что между мыслью и словом существует сущностное единство и нельзя про-

тивопоставлять мысль и слово. Субстанцию мыслей, выраженную словом, можно рассматривать как *индивидуальное понятие (предпонятие)*.

41. Слушающий, воспринимая слово, переводит его в субъективный образ-субстанцию мыслей. Показательны в этом отношении работы Малевича. Придумывая свои февральские, он заканчивает обычные фразы и обводит их рамкой. При этом Малевич исходит из того, что, увидев написанное слово, человек нарисует в воображении свою иллюстрацию к этому слову. Слово у него выступает предельной абстракцией, которую воспринимающий интерпретирует субъективно-индивидуально. В понимании Малевича, слово – это тоже картина, это тоже образ – образ, наполненный индивидуальными мыслями и чувствами.

42. Образ вещи богаче мыслями понятия об этой вещи. Пока образ вещи и понятие о вещи (предпонятие) остаются достоянием одного лица, которое формирует первичное понятие о вещи, образ и понятие едины. Это понятие, не лишенное для субъекта индивидуальных мотивов и переживаний. И в этой полноте образ-понятие становится достоянием личного сознания.

43. Мышление входит в процессы восприятия и запоминания. Это «умные» процессы. При построении движения мышление решает задачу ограничения числа степеней свободы движения.

44. Работая с образами, представлениями, воображением, движением, понятием, мышление работает с мыслями.

45. Понять природу образа, представления, понятия, сознания и мышления невозможно без обращения к личным мыслям человека.

46. Механизм психических функций (Ψ-функции), осуществляющий связь отдельных свойств вещи с вещью в целом, – есть механизм порождения мысли. На психологическом уровне эту функцию реализует суждение. *Суждение* представляет собой первичную форму предметного мышления, процесс порождения мысли.

47. Мышление осуществляется через *интеллектуальные операции*.

48. Способность мышления порождать мысли есть ум. Ум, мышление и способность порождения мысли выступают в единстве: мышление как *процесс* порождения мысли, ум – как итоговая характеристика этого процесса.

49. Разум и рассудок есть функции ума, два уровня проявления мыслительной деятельности, на которых ум работает с мысленными субстанциями различного качества, состоящими из входящих в них мыслей. «Всякое наше познание, начинаясь с чувств, переходит затем к рассудку и заключается в разуме» [34, с. 340].

50. Основные операции ума – сопоставление, сравнение, различение, опосредование – связаны с взаимодействием и установлением связей, т.е. с порождением мыслей.

51. *Суждение*, как мы уже отмечали, является одной из основных интеллектуальных операций (здесь мы говорим только о психологической стороне суждения). В суждении устанавливается связь между понятиями. Будучи выраженным в словах, оно называется предложением. Как правило, в суждении что-то утверждается или отрицается. Закрывающееся в суждении положение может быть объективно истинно или неистинно в зависимости от того, правильно или нет оно отражает свой объект. В субъективном плане суждение также обладает различной степенью достоверности. Суждение правдиво или ложно в зависимости от того, адекватно или

неадекватно оно выражает убеждения субъекта.

52. Ни одно суждение не является само по себе безусловной истиной. Поэтому возникает необходимость в критике и проверке, в работе мышления над суждением. «*Рассуждение* – это и есть работа мысли над суждением, направленная на установление и проверку его истинности... Основными видами рассуждения являются *обоснование* и *умозаключение*. И в том, и в другом случае суждение извлекается из изолированности, в которой не может быть установлена его истинность, и включается в систему суждений, т.е. в систему знания. Рассуждение является *обоснованием*, когда, исходя из суждения, оно вскрывает посылки, которые обуславливают его истинность и таким образом обосновывают его. Рассуждение принимает форму *умозаключения*, когда, исходя из посылок, оно раскрывает ту систему суждений, которая из них следует» [51, с. 324].

53. В *умозаключении* из двух или более суждений с необходимостью выводится *новое* суждение. В процессе умозаключения получается новое знание. Это новое знание, как отмечал

Рубинштейн, «и дано и не дано в посылках... Если бы заключение было дано в посылках, оно было бы бесполезно; если бы оно в нем не было дано, оно было бы невозможно» [50, с. 325]. Новое знание содержится в предмете мышления, в объективно существующих связях и отношениях. Сами суждения, выступающие посылками умозаключения, в процессе мышления интеллектуализируются в направлении решаемой задачи, приобретают функциональное значение. В этом заключается сущность получения нового знания, логика же умозаключения только оформляет этот процесс.

54. По своему характеру любая мысль порождается субъектом жизнедеятельности, следовательно, каждая мысль несет в себе не только качества объектов внешнего мира, но и качества ее создателя. Поэтому каждая мысль *личностна*. В своем единстве, субстанциональной целостности мысли и составляют часть содержания *личностного сознания*.

55. Мысли отдельных людей относительно одного и того же объекта не тождественны (мы не беремся сейчас обсуждать вопрос о значительности этих различий). По этому поводу

еще У. Джемс писал: «Худшее, что может сделать психология, – это начать истолковать природу личных сознаний, лишив их индивидуальной *ценности*» [23, с. 114]. При этом под личным сознанием У. Джемс понимал «связные последовательности мыслей, признаваемые как таковые» [23, с. 114].

56. Связность мыслей сознания, их целостность отражают связность вещей внешнего мира в их целостности. В этой связности заключается наше понимание внешнего мира, так как отдельные мысли всегда носили при их порождении функциональный характер. В нарушении этой целостности и заключается проблема непонимания, одна из центральных проблем педагогической психологии.

57. Отметим, что ум постоянно осмысливает (рождает новые мысли) ситуации, в которых находится объект. В своем течении этот поток мыслей, следуя за Джемсом, мы будем называть «поток сознания», в котором отражается мир внутренней жизни человека.

58. Способность *порождать* мысли и *устанавливать отношения* внутри потока сознания и будет характеризовать интеллект человека.

59. Поведение в животном мире можно объяснить, не привлекая категории сознания. То же относится к объяснению поведения ребенка в первые месяцы жизни.

60. Когда же появляется потребность в *осознании* своего поведения? Эта потребность появляется с появлением целенаправленного поведения, необходимостью формировать цели, регулировать деятельность на всем ее протяжении в соответствии с программой и ожидаемыми результатами.

61. Характеризуя сознание через мысли, мы наделяем сознание определенной структурой как потребностно-эмоционально-содержательную субстанцию.

62. Значительная часть знаний получается из различных источников информации, прежде всего из книг. Но и в этом случае *понимание* знаний возможно только путем включения их в чувственное содержание внутреннего мира человека.

63. Наряду с содержательной предметно-чувственной стороной в структуру сознания входят и *познавательные действия* (интеллектуальные операции), с помощью которых это содержание получается и присваивается субъектом.

64. Деятельность предполагает ее осознание во всех компонентах. Деятельность позволяет осознать значение отдельных мыслей для деятельности и поведения.

65. Через осознание деятельности и ее ценности у субъекта формируется представление о *ценности субъективной жизни*.

66. Отдельные компоненты деятельности осознаются в различной степени даже у одного и того же субъекта.

67. Определенную ясность в понимание сознания вносят теоретические разработки Л.М. Веккера. Он показал, что «парадоксальное воплощение свойств внешнего объекта в состояниях другого объекта – органа психического акта, или, наоборот, «перевоплощение» собственного «нутра» носителя психики в свойства другого, внешнего по отношению к нему физического тела составляет подлинную истинную специфичность отмеченного психологического процесса» [16, с. 11]. Это специфическое свойство и составляет основу предметного сознания.

Уникальность и талантливость отмеченного свойства проекции определяется тем, что здесь в одном объекте-органе воспроиз-

водится *место*, занимаемое другим объектом. Конечные характеристики психического акта всегда отнесены к характеристикам *внешнего объекта* – в этом заключается сущность *предметности* психического процесса [16, с. 11].

В процессах восприятия внешнего мира он раскрывается субъекту в своих свойствах и отношениях, фиксируемых в отдельных мыслях, которые, будучи отнесенными к внешнему, предметному миру (или к самому субъекту), выступают как содержание сознания. Именно отнесенность к внешнему миру (или к самому себе) является атрибутивной характеристикой сознания.

68. Рефлексия – направленность психических процессов на внутренний мир субъекта в различных его качествах. Рефлексия характеризуется теми же способностями, что и способности познания внешнего мира, но они приобретают специфические черты, определенные предметом познания, т.е. субъектом самопознания.

69. Рефлексивность рассматривается как качество личности, характеризующееся направленностью на познание себя и имеющее меру выраженности.

70. В мышлении порождаются мысли, и мыслящий субъект работает с мыслями. *Убрав из мыслительного процесса рефлексию, мы разрушим мыслительный процесс.* Мышление не осмысливает само себя (это не мышление о мышлении), мышление выступает как мыслительная функция мыслящего субъекта, разрешающего значимую для него задачу. Субъект, *организуя* свою мыслительную деятельность, *осознает* (рефлексирует) ход решения задачи, руководствуясь представлением о результате.

71. Детерминантой самопознания является мотивация самопознания (как и детерминантой любой деятельности).

72. Изучение рефлексии и рефлексивности – это две самостоятельные задачи, требующие своей методики и теоретического понимания.

73. Показатель рефлексивности как качества человека определяет, насколько он способен отражать предмет рефлексии. Можно предположить, что рефлексивность не будет *монометричной*.

74. Формирование и развитие рефлексии и рефлексивности носит общественно-исторический характер.

75. Осознание необходимых для жизнедеятельности мыслей происходит по функциональному принципу (С.Л. Рубинштейн).

76. При описании объекта разными испытуемыми он характеризуется разными свойствами-мыслями, что свидетельствуют о глубоких внутренних различиях в восприятии мира.

77. В постижении внутреннего мира и самих себя большое значение имеет нравственность. В предыстории человечества ум и мораль существовали в единстве, как единое целое. Ум оформлял моральное требование, мораль руководила и направляла поведение. Но и сегодня *действие ума опутано и контролируется моралью, а в морали простиупают действия рассудка* [8].

78. Оба механизма поведения (ум и мораль), которые вначале прослеживались друг в друге, должны были разойтись, чтобы вырасти, а затем сойтись.

79. Таким образом, в структуру сознания, наряду с содержанием, потребностью и переживанием, входит мораль.

80. Ум и мораль объединяются в *духовности* человека. В духовности объединяются также сознание и подсознание.

81. Объединение сознания и подсознания через духовность дает интеллектуальный прорыв, позволяет личности достичь необычайной пронизательности, выйти на вершину творчества.

82. Эмоция бывает *суперинтеллектуальной*.

83. Моральная мысль может выступать в роли *побудительной* силы.

84. Каждая мысль подлежит *интерпретации*. В результате каждая мысль становится многозначной, сохраняя при этом свое значение.

85. В интерпретации мысли большое значение имеет ее *понимание*.

86. Понимание происходит в герменевтическом круге понимания [17]. Человек сталкивается с пониманием той или иной жизненной ситуации, уже обладая определенным сознанием. Человек вступает в круг понимания уже с определенным предсознанием.

87. Понять вещь можно, включив ее в деятельность и поведение.

88. Одной из важнейших детерминант понимания является установление места вещи в *мировоззрении* человека.

Литература

1. *Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человековедения. М.: Наука, 1977.
3. *Анохин П.К.* Очерки физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
4. *Аристотель.* Этика. М.: АСТ, 2002.
5. *Арнхейм Р.* Визуальное мышление // Зрительные образы: Феноменология и эксперимент: сб. переводов. Душанбе, 1973. Ч. III.
6. *Аткинсон Р.Л.* и др. Введение в психологию. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Алма-Пресс, 2003.
7. *Барabanщиков В.А.* Восприятие и событие. СПб.: Аллетейя, 2002.
8. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
9. *Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений. Избранные психологические труды / под ред. В.П. Зинченко. М.; Воронеж: МОДЭК, 1997.
10. *Бехтерева Н.П.* Здоровый и больной мозг человека. Л.: Наука, 1980.
11. Библия. М.: РБО, 2000.
12. Большая российская энциклопедия. М., 1997.
13. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. М.: Олма-Пресс, 2003.
14. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; Норинт, 1997.

15. *Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г.* и др. *Методология психологии: проблемы и перспективы.* М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
16. *Веккер Л.М.* Психические процессы. Л.: ЛГУ, 1974. Т. 1.
17. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991.
18. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
19. *Гегель Г.* Введение в философию (Философская пропедевтика). М.: Изд-во Тимирязевского науч.-исслед. инс-та, 1927.
20. *Даль В.* Большой толковый словарь русского языка. М.: АСТ; Астрель, 2010.
21. *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989.
22. *Дельгадо Х.* Мозг и сознание. М.: Мир, 1971.
23. *Джемс У.* Психология. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1901.
24. *Зеленкова И.Л., Беляева Е.В.* Этика. Минск: Терра-Системс, 1998.
25. *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1993.
26. *Зинченко В.П.* Живое знание. Самара, 1998.
27. *Зинченко В.П.* Личность, бессознательное, творчество // *Методология психологии: проблемы и перспективы.* М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

28. *Зинченко В.П., Мунипов В. М., Гордон В.И.* Исследование визуального мышления // Вопросы психологии, 1973. №2.
29. *Зинченко. В. П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
30. *Зубовский Н.А.* Психология. СПб.: Тропа Троянова, 2006.
31. *Иванников В.А.* Основы психологии. Курс лекций. СПб.: Питер, 2010.
32. *Историки античности. Т. 1. Древняя Греция. Геродот.* История. М.: Правда, 1989.
33. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000.
34. *Кант И.* Сочинения. М., 1964. Т. 3.
35. *Карпов А.В.* Психология сознания. Метасистемный подход. М.: Изд. дом РАО, 2011.
36. *Когнитивная психология: учебник для студентов вузов / под ред. В.Н. Дружинина и Д.В. Ушакова.* М.: Пер СЭ, 2002.
37. *Коменский Я.А.* Великая дидактика. Избр. соч. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.
38. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М.: Республика, 1994.
39. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2007.
40. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Изд-во МГУ, 1973.

41. *Монтень М.* Опыты. Книга 1 и 2. М.: Наука, 1979.
42. *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структуры поведения. М.: Прогресс, 1965.
43. *Мясищев В.И.* Психические функции и отношения. Личность и неврозы. Л., 1960.
44. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1982.
45. *Плутарх.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1983.
46. *Поддьяков Н.Н.* Мышление дошкольника. М.: Педагогика, 1977.
47. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Полн. собр. соч. Киев: Гос. изд. Украины, 1926. Т. 1.
48. *Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
49. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1935.
50. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
51. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1995 (1999).
52. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
53. *Сеченов И.М.* Элементы мысли. Избр. произведения. Т. 1. Физиология и психология. М.: АН СССР, 1952.
54. Славянские древности / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2005–2011.
55. *Смирнова Е.О.* Детская психология: учебник для вузов. – 3-е изд. СПб.: Питер, 2009.

56. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
57. *Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968.
58. *Степин В.С.* Теоретическое значение. М.: Прогресс-традиция, 2000.
59. *Судаков К.В.* Биологические мотивации. М.: Медицина, 1971.
60. *Теплов Б.М.* Избранные труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 1.
61. *Теплов В.М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: АПН РСФСР, 1961.
62. *Тютчев Ф.И.* Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1980. Т.1.
63. *Фет А.А.* Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1982. Т.1.
64. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
65. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. М.: Инфра-М, 2006.
66. *Холл К.С., Г. Линдсей.* Теория личности. М.: Апрель-Пресс, Эксмо-Пресс, 2000.
67. *Челпанов. Г.И.* Учебник логики / Г.И. Челпанов. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1946.
68. *Чуркин А.А., Мартюшов А.А.* Краткое руководство по использованию МКБ-10 в психиатрии и наркологии. М.: Триада-Х, 1999.
69. *Шадриков В.Д.* Профессиональные способности. М.: Университетская книга, 2010.

70. *Шадриков В.Д., Зиновьева Н.А., Кузнецова М.Д.* Развитие младших школьников в различных образовательных системах / под общ. ред. В.Д. Шадрикова. М.: Логос, 2011.
71. *Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
72. *Шадриков В.Д.* Мысль как предмет психологического исследования.
73. *Шадриков В.Д.* Образ и психологическая функция.
74. *Шадриков В.Д., Черемошкина Л.В.* Мнемические способности: развитие и диагностика. М.: Педагогика, 1990.
75. *Шекспир В.* Гамлет. Трагедия / под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Брокгаус–Эфрон, 1902.
76. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
77. *Ярбус А.Л.* Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука, 1965.

Научное издание

Шадриков Владимир Дмитриевич

МЫСЛЬ И ПОЗНАНИЕ

Монография

Редактор *Д.А. Басилова*

Корректор *Е.Б. Гранина*

Компьютерная верстка и дизайн *А.М. Мусеева*

Подписано в печать 10.01.2014. Формат 70х100/32.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 7.5.

Тираж 1000 экз.

Издательская группа «Логос»

123104, Москва, Б. Палашевский пер., д. 9, стр. 1

По вопросам приобретения и издания литературы обращаться по адресу:

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31

Тел.: (495) 981-51-12, 955-78-30

Электронная почта: universitas@mail.ru

Дополнительная информация на сайте: www.logosbook.ru